

**О ПРЕМИЯХ
И ПРИЛОЖЕНИЯХ
К ЖУРНАЛУ**

„ВОКРУГ СВЕТА“

Подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

3 радио-аппарата.	12 пар буц.
3 фотографических аппарата.	12 пар лыж.
6 велосипедов.	30 пар коньков.
10 самопишущих перьев.	30 рыболовных наборов (лески, поплавки, крючки, сачки, переметы и т. п.).
10 кошельков-портмоне.	100 перочинных ножей (с несколькими лезвиями).
12 карманных часов.	
12 футбольных мячей.	
- 3 поездки: КРЫМ, КАВКАЗ, УРАЛ** (билет и деньги на дорогу) лучшим распространителям журнала.

~~~~~ Все подробности даны в № 2. ~~~~~

ПРИЛОЖЕНИЯ на 1927 год:

6 книг: „ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“.

(Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира).

2 книги: А. Конан-Дойль „СТРАНА ТУМАНОВ“.

(Новое захватывающее путешествие в загадочную страну. Если уже один текст романа сам по себе настолько интересен, что читатель не может от него оторваться, то прекрасные иллюстрации еще более усиливают и без того сильное впечатление от нового произведения известного английского писателя).

2 книги: Т. Бриджес „КНИГА ОТКРЫТИЙ“.

(Живое и увлекательное повествование о том, как человек постепенно «открывал» свою землю с самых седых времен до настоящего времени).

4 книги: Марк Твэн „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА“.
„ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФИННА“.

(Эти блестящие произведения американского писателя даются в новых переводах и с совершенно новыми иллюстрациями).

1 книга: „ПОБЕГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ“.

К 10-летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Богато иллюстрированный сборник, который расскажет читателю о том, какими разнообразными путями удавалось революционерам разных стран бежать из ссылки или из русской, немецкой, французской и т. д. тюрьмы).

1 книга: „СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЯ“.

(Альбом художественно исполненных картин и видов, иллюстрирующих жизнь Англии в наши дни).

1 книга: „ВЕЛОСИПЕД“. Устройство, езда, уход.

(Настоящая книга для всякого начинающего и даже старого уже велосипедиста. Описаны все последние модели и все последние усовершенствования. Даны и чисто спортивные сведения).

Условия подписки:

С приложениями:			Без приложений:		
На один месяц	— р. — к.	♦	На один месяц	— р. — к.	♦
„ три месяца	2 „ — „	♦	„ три месяца	1 „ 10 „	♦
„ шесть месяцев	3 „ 80 „	♦	„ шесть месяцев	2 „ 20 „	♦
„ двенадцать месяцев	7 „ — „	♦	„ двенадцать месяцев	4 „ — „	♦

Подписку адресовать: Ленинград, Фонтанка, 57, Изд-во „Красная Газета“

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Лер. Фонтанна, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Телф. 175-33.

Вокруг Света

№ 4

1927 г.
МАРТ
30

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: Б. Лавренев. „Дама с жемчугами“. — Т. Мид. „Последний выстрел“. — В. Мон. „В петле“. — Ю. Баратов. „Матто-Троссо“. — Ярчи П. „Чудесное избавление“. — К. К. „Дом чудес“. — В. Д. „Дом для 40.000 человек“. — * * * „Тибет и его обычаи.“

КРОВАВАЯ БОГИНЯ ТИБЕТА

Читатель видит перед собой маску кровожадной тибетской богини, Палден Лхамо. Эта маска одного из наиболее зловещих божеств сделана из горного хрусталя, три глаза у нее из слоновой кости, а во рту (скорее в пасти) вставлены человеческие зубы. Уже самый облик богини позволяет сразу разгадать ее характер.

По свидетельству теперешнего владельца этой маски, англичанина Г. Бизли, изображения этой богини употребляются во внутреннем Тибете для приманки злобных демонов, которых хотят напустить на своего врага. В этом случае вошедший в человека дьявол может быть изгнан только молитвами ламы, тибетского монаха или священника.

Эта зловещая богиня, под другими только названиями, присутствует во множестве религиозных мифов на всем Дальнем Востоке. Она известна в Японии и Китае (божество болезни), а в Индии она отождествлена с женой Сивы, богиней Кали, покровительницей известной секты тугов-душителей, религиозные обряды которых обязательно требуют человеческого жертвоприношения.

В большинстве случаев Палден Лхамо изображается со связкой черепов, с кладбищенскими чертями и основательной палицей-дубиной; она большая любительница бросать игральные кости и тем определять каждому человеку его смертный час. Сидит она на муле, который произошел от рыжего осла и крылатой кобылы; у кобылы этой шлея и подпруги из живых, извивающихся змей, а копытами своими она топчет человеческие тела. У самой богини довольно скудная одежда — одна только свежескобренная кожа человека, пищей же ей служит людская кровь, которую она пьет из человеческого черепа.

ТАМ, ГДЕ ПРАВЯТ МОНАХИ

Монах.

Монахи правят там не монастырями, а всем большим, самостоятельным государством, имя которому Тибет. Эта страна — единственная в мире, где светская власть государственная машина, находится в руках первосвященника «далай-ламы», духовного владыки и одновременно всемогущего повелителя тибетского государства.

Тибет держится не на бесспорном подчинении воле «далай-ламы», наместника на земле самого Будды. Его слово закон, подлежащий не обсуждению, а только исполнению. Исполнителями его государственных и религиозных предначертаний являются всевозможные священники и монахи. Эти монахи или ламы носят особую одежду с высокой остроконечной шапкой. У одних лам шапки желтые, у других красные, у третьих черные. Все эти разноцветные шапки

ведут между собой борьбу, которая является в Тибете чем-то похожим на борьбу наших современных политических партий.

Сам верховный повелитель, далай-лама, живет в почти недоступной для европейцев Лхассе, тибетской столице. Слово «лама» значит священник или монах, а «далай» — великий или всеобъемлющий. Далай-лама не только наместник на земле самого Будды, но он является настоящим воплощением даже тела Будды. Далай-лама никогда не умирает. Когда в гнев на беззакония мира он удаляется в рай, то тело свое он оставляет все же на земле, воплощаясь перед своим небесным уходом в какое-либо новое человеческое существо. Он сам перед своей «мнимой» смертью дает указания, где, когда и в ком он решил телесно возродиться. По этим указаниям ищут подходящего ребенка, определяя местность, дом, родителей и т. д. Малолетний далай-лама берется у родителей чтобы получить совершенно особое воспитание и обучение.

Тибетом правят монахи, которых настолько много, что на каждые четыре человека приходится один лама. Вся страна покрыта бесчисленными монастырями, некоторые из которых

представляют собой целые города. Все эти монастыри живут на счет государства, но отнюдь не забывают и добродетельных пожертвований. А что эти подношения составляют изрядную сумму, понятно уже из того, что каждый поступок, любое

Пляска масок при тибетских богослужениях.

событие в жизни тибетца всегда требует вмешательства ламы, а следовательно и его вознаграждения.

Тибетские богослужения связаны с самыми дикими и странными обрядами. Особенно распространены всевозможные религиозные пляски, приуроченные к особым праздникам.

Много диковинных обычаев наблюдается и в самой повседневной жизни тибетцев, в их внутреннем быте. В семейных отношениях мы находим у них, напр., многоженство, когда одна жена приходится на братьев одной семьи. Вот почему в Тибете спрашивают имя не отца, а матери. Тело покойников принято не хоронить, а отдавать на съедение хищным птицам и зверям. Когда покойника разрубят на части и выбросят в поле, то чем больше слетится к трупу ястребов или чем больше соберется собак, тем лучше: покойный вел, очевидно, праведную жизнь, раз им не брезгают хищные животные. Приветствуют друг друга тибетцы также совершенно для нас неожиданно: желая выразить свое почтение, тибетец приветливо высовывает язык.

Нозогодний „танец дьяволов“.

Тибетская женщина.

Рассказ *Б. Лаврежева.*

— Вот этому доктору я благодарен до нельзя. А то меня дважды из санатория выкидывали за несоблюдение режима. Невтерпеж было. Найду где-нибудь курева, давай дымить и моментально на выписку. А у меня легкое, как никак прострелено, починки требует. Ну, пошел я к нему. Он меня три раза этак, вроде заговорил, в глаза глядя, и как рукой сняло. Ни окурочка в рот не беру.

И пассажир верхней койки засмеялся, сверкнув орденом Красного Знамени и ослепительной сахарной улыбкой.

Севастопольский курортный поезд подходил, гудя и фыркая, к купавшемуся в закатной киновари Александровску. Старый слесарь, сидевший у окна, хмуро и иронически усмехнулся словам краснознаменца.

— Шарлатанские штучки эти самые внушения и гипнозы. Никогда в них не поверю. Это все равно, что в духа святого верить.

Краснознаменец прищурился.

— В руках шарлатанов шарлатанство, в руках врачей могучая и полезная сила. А в руках преступников опасное орудие. Видел я одно такое дело, вот как раз в этих местах, — он показал в окно на раскинувшуюся панораму зеленого городка и замолчал, подперши подбородок ладонью.

Девушка в голубой шелковой кофточке с наивными глазами и подкрашенными губками погладила краснознаменца умильным взглядом.

— Ах, это наверно ужасно интересно. Расскажите расскажите, — попросила она, заливаясь румянцем.

Краснознаменец улыбнулся.

— Вас хлебом не корми, только рассказывай страшные истории. Ну, ладно, после Александровска расскажу, а сейчас карьером марш в буфет закусывать.

В вагоне, желтея, замерцали электрические лампочки. Краснознаменец подsunул под локти себе подушку и поощрительно подмигнул девушке, глаза которой мерцали в ожидании рассказа не хуже лампочек.

— Готовились мы тогда добивать господина барона. Штаб армии был в Каховке, а штаб нашей группы стоял здесь. Был сентябрь, лето клонилось к концу, но еще было жарко и во второй раз цвели акации. Чудес-

ные были денечки. Сидишь в штабе, а в окно тебе шуршат ветки акаций и тянет таким сладким духом, что голова кружится, а выйдешь на улицу — арбузы и дыни лежат горами. Так ими и питались, потому на счет существенной пищи дело швах было. Да это всякий помнит и поминать нечего. Был я тогда комиссаром оперативного отдела, а начальником оперода молодой генштабист Невзоров. Во время большой войны кончил академию генштаба. Парень из дворянской семьи, с высшим образованием, собой красив, лицо этакое гладкое, как у молочного поросенка, бариш большой, но товарищ настоящий и революционер настоящий. Знаете из такой породы искренне кающихся дворян, вроде Льва Толстого. Только толстовства в нем не было, подрататься любил, а под Казанью с цепью на пулемет в лоб ходил и забрал пулемет.

— За два года гражданской войны зарекомендовал себя с лучшей стороны и пользовался полным доверием. Так что, собственно, при нем моя комиссарская должность вроде холостого пугала была. Нечего было и следить, сам дело делал честно.

— Я жил в здании штаба в комнате, а он, Невзоров этот самый, Николай Николаич, в городе на частной квартире. Получил комнату по ордеру у одной судейской мадамы, по фамилии Веретьевой. Осталась бабочка в городе одна, муж с белыми драпу дал. Дамочка лет под пятьдесят, тихая и заплаканная какая-то всегда, словно ее ногтем придавили. А семьи у нее было: сынишка больной, горбатенький, лет пятнадцати и дочка. Дочка лет двадцати и вот вроде вас — цветочек розсрый и приятный.

Девушка в голубой кофточке вспыхнула и отвернулась.

— Ей право, — продолжал красноармеец: — даже носик вот такой же зазорной пуговкой был. Хорошенькая. Служила она машинисткой в компрое и на рояле хорошо играла. С этого они с Невзоровым и стакнулись. Тот тоже музыкант был. Словом, она с первых дней стала к Невзорову неравнодушие оказывать. Да и Невзоров тоже смяк. По вечерам, когда из штаба вернется, сидят в столовой и на инструменте в четыре

руки, четыре глаза и два сердца разыгрывают, аж смотреть щекотно.

Я бывало тоже к ним заезжал с Невзоровым чайку попить, ну и видел, как у них эта музыка гладко шла и чем дальше, тем пуще. Как это у музыкантов называется?

— Кресчендо, — быстро вставила девушка в голубом.

Краснознаменец остановил на ней лукавый взгляд.

— Ишь, — сказал он, покачав головой: — как вы знаете. Должно быть тоже умеете в такую музыку играть.

В купе засмеялись. Девушка отвернулась к окну.

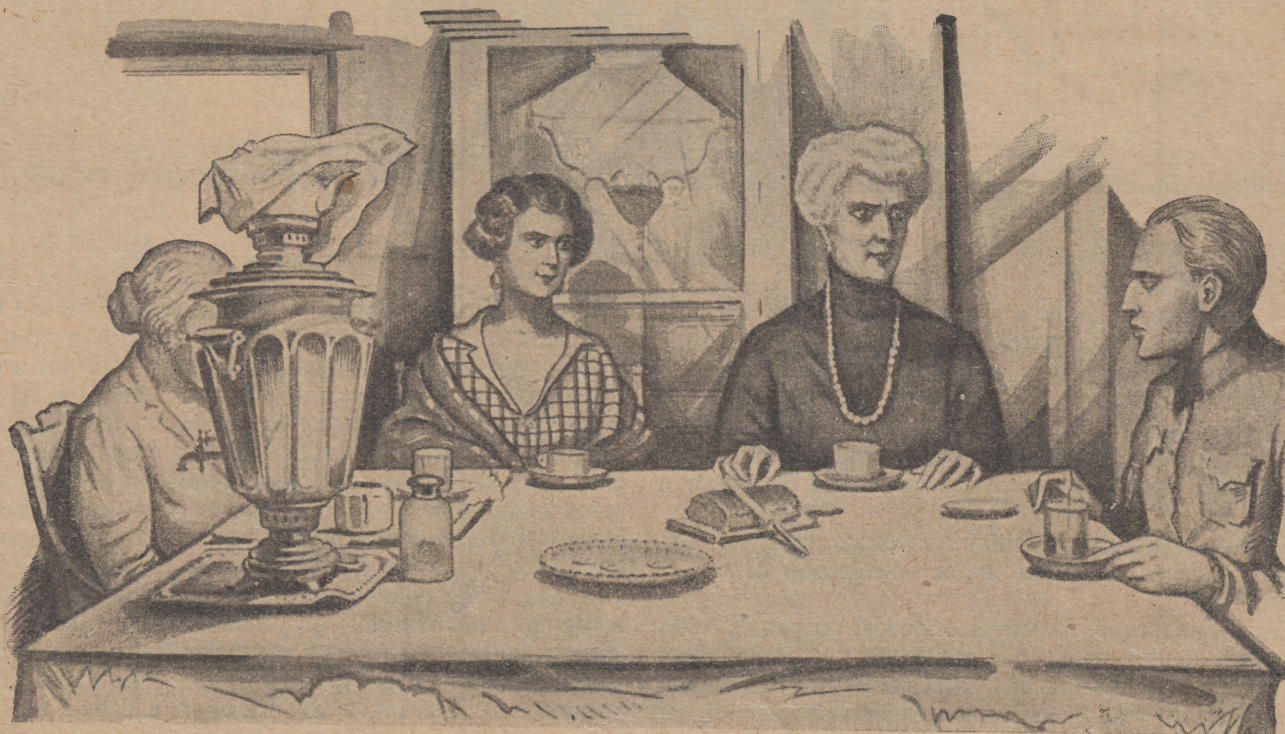
— Ну, ладно, не буду дразнить. Пойдем дальше. Жили эти самые Веретьевы совсем одиноко, даже Не-

я почти к Веретьевым и не ездил, куда же среди ночи людей беспокоить.

Только помню в один день выбрались мы из отдела часов в одиннадцать, вышли на улицу. Мне до квартиры было только улицу перейти, где другая половина штаба размещалась, а Невзорова машина у крыльца ждала.

Посмотрел он на меня и говорит: «Садись, Вася, я тебя прокатаю, а то просиделся ты в штабе до того, что на тушеную баранину стал смахивать».

Ну, сели мы и давай колесить по улицам, выкатились за город, прокатились по шоссе, а потом обратно к невзоровской квартире. Домик Веретьевых такой беленький, приветливый, весь в зелени, луной забрызган, а в столовой видно абажур оранжевый и какие-то тени за занавеской. Невзоров меня приглашает:

Лицо у незнакомки было розовое...

взоров, помню, удивлялся. «Никогда», — говорит: «у них никаких гостей не бывает и это даже удивительно. Городишка маленький, вся интеллигенция наперечет, все друг друга знают и друг к другу по вечерам от скуки слоняются, а у них никого. Пробовал я спросить Марину Васильевну (это дочку-то), а она мне ответила, что здесь, мол, общество серое, обывательское, а она с матерью петербуженки и к культурной среде привыкли и со здешними городскими им тошно». Уж не знаю там причин, но только действительно, жили совсем одиноко.

Старуха Веретьева почти никогда не разговаривала, ходила сумрачная, молчаливая, словно ее какое горе давило. Но так старуха была вежливая, добрая и вареньем угошала охотно. А мне только этого и подай. Кому что. Невзорову дочку, а я, грешен, варенье люблю.

Так шло время и к началу октября были у нас собраны все части для наступления. Настало горячее время. Чуть не круглые сутки возня. После полуночи уезжаешь из штаба, чуть свет — опять в отдел. Крутом карты, карты и еще карты. В глазах мельтешит от флажков, обозначающих позиции, и иной раз даже во сне проверяешь дислокацию. Право. Ну, за эти дни

— Зайдем. Еще не спят наши. Варенья пошамаеть.

— Соблазнило меня варенье. Отпустили мы шоффера, взошли на крыльцо, постучали. Открывает сама старуха Веретьева и вид у нее сумрачный, суровый какой-то. Не-то слезы сдерживает, не-то злость, Невзоров прямо и спрашивает:

— Что с вами, Софья Алексеевна? Нездоровы?

А она плечами вздернула и отвечает:

— Нет... ничего особенного. Гостя у меня... люблю я ее, вот и злюсь.

Ну, конечно, понял я, что не ко двору пришелся в этот раз и хочу прощаться, но только старуха меня не отпускает.

— Нет, нет. Заходите, товарищ Акимов. Мне легче будет, если вы с нами посидите. Неприятна мне эта посетительница.

— А кто она такая? — спрашивает Невзоров.

— Знакомая мужа... Вдова одного крупного бывшего человека.

Невзоров и развеселился. Ошалели мы от штабного сиденья, конечно, подурить захотелось.

— Вдова?.. Хорошенькая?

Тут старуха улыбнулась.

— Ну, не поживитесь. Ей столько, сколько и мне. А впрочем сохранилась замечательно. Входите — увидите.

Вошли мы в столовую. За столом младшая Веретьева, Марина, а напротив нее королева-баба. Высокая, лет и вправду под пятьдесят, а фигура, как у девочки стройная, сидит в струнку. Лицо розовое, гладкое, губы такие, что хоть сейчас целуй. Волосы серебряной копной, что твой маркизин парик. Еще сразу обратил я внимание на ее руки. Таких красивых рук до того не видал. А одета была в глухое черное платье, без всяких финтифлюшек и только на шее жемчужная нитка и каждая жемчужина, как орех.

— «Фальшивка», — подумал я, как увидел: — «вряд ли в наше время рискнула бы настоящий надеть.

Только мы вошли, она глаза подняла и на нас в упор поглядела. Я аж назад поддался. Ну и глаза, доложу, прямо свечки, только огонь какой-то темный. Глубокие такие, под большими ресницами и никакого в них блеска, одна чернота и глубина, как в омуте. Даже неприятно стало.

Поздоровались мы, сели за стол. Дама эта с жемчугом, будто разговор продолжает.

«Прямо», — говорит: «не знаю, что мне и делать с моими орпингтонами. Нигде для них корма достать не могу, уже пять подошло. Придется, видно, продавать, а жаль, я так к ним привыкла».

Тут Марина объясняет:

«У Анны Петровны замечательные куры породистые. Она волнуется, что нечем их кормить».

Дама с жемчугом усмехнулась и мне говорит так с кокетством:

«Кончали-б вы скорей войну, а то все мои куры погибнут».

Меня даже зло взяло. Кто о чем. Насупился я и брякнул:

— Мы эту войну, барыня, не для спасения кур ведем. Так, что извините.

И сам на варенье приналег.

«А вы скоро наступление начнете?» — спрашивает она опять.

Тут уж я на все внимательно посмотрел. Подумал, что ежели кур разводишь, так нечего тебе стратегическими вопросами заниматься. И наверно что-нибудь ляпнул бы, да Невзоров вмешался.

«Наступление? Ну, мадам, еще подождете. Разве у нас всякая. Рвань коричневая, бандиты. Их половину перестрелять нужно, чтоб другую исправить и одеть. Раньше, как через два месяца и думать нельзя».

Ловок был очки втирать, на то и генштабист.

Дамочка глазами повела с усмешкой и пальцами жемчуг перебирает. Жемчужины на свету то розовым, то голубым отливают.

Марина к пианино села. Невзоров на диван, а дама к нему присоседилась и что-то ему говорит и в глаза смотрит, а там и за руку взяла своей рукой и вся к нему жметя, как кошка. Мне смешно даже стало. Встал я из-за стола, подхожу к Марине, облокотился на пианино и говорю тихонько:

«Вы поглядите, как эта старая корова с Невзоровым амурь заводит. Вот стерва-то».

А Марина, не прерывая игры, вскинула на меня глаза и тихо, но явственно сквозь музыку сказала:

«Я ненавижу ее, товарищ Акимов. Она плохая. Она страшная женщина».

— Ну, засмеялся я и ответил ей:

«Женщин страшных не бывает».

«Нет, бывают. Дай бог, чтоб я не оказалась права», — и опять глаза в ноты опустила.

Посидел я еще немножко и уехал.

Утром, только я в отдел. вслед за мной Невзоров. Поглядел я на него и ахнул. Желт, как лимон и глаза какие-то стеклянные. Схватил я его за руку.

«Николашка, что с тобой?»

Он как-то головой дернул и говорит таким деревянным голосом:

«Ничего».

«Уж не пропутался ли ты с этой самой старухой?»

Как-то вздрогнул, посмотрел куда-то мимо меня и опять говорит:

«Извела она меня. Вчера когда разошлись все, я пошел к себе в комнату. Сел за стол заметки кой-какие написать на сегодня. Вдруг в двери стук-стук. А надо тебе сказать, что дама эта у наших ночевать осталась. Я открыл дверь — смотрю она на пороге стоит. Извиняется, что все спят, а ей курить хочется, так нет ли у меня спичек. Вошла в комнату и давай разговоры разговаривать. И такой я, и сякой, и хороший. Опять меня за руку поймала и в глаза смотрит. И взгляд у нее паршивый, тяжелый, словно на затылок свинцовый колпак надвигает. Еле выгнал и всю ночь спать не мог».

Махнул рукой и к столу отошел. И рассказывал мне все это таким каким-то неживым голосом. Пока работал, смотрел я за ним и вижу, человек прямо разболелся. То куда-то в потолок смотрит, то дернется, то побледнеет, то покраснеет. К обеду подошел я к нему и говорю.

«Брось ты, Колька! Поезжай и ложись спать. А я и без тебя один вечер справлюсь. Ишь, как тебя развезло».

Он только отрицательно головой покачал.

«Нет. Мне на работе лучше».

«Ну, так, обедать идем».

«Не хочется. Я еще посижу малость».

«Ну и сиди, дурень! Чорт с тобой!»

— Ушел я, вернулся через полчаса. Гляжу, его нет. Спрашиваю у сотрудников, где Невзоров, отвечают, что, ничего не сказавши, ушел. Подумал я, что последовал он моему благому совету и поехал домой спать. Часов в восемь вечера комкор потребовал к себе в кабинет дислокацию и план наступления. Я мигом к дежурному по секретному отделу. У него всегда ключи от несгораемого были, когда я и Невзоров уходили. Дежурный говорит, что Невзоров не давал ему ключа. Я обратно в отдел. У сотрудников нет, в ящиках стола у Невзорова тоже нет, нигде нет.

А командующий группой был парень хоть молодой, а суровый. Ему вынь да положь. Второго адъютанта присылает, рвет и мечет. Пошел я сам к нему.

Сидит он за столом в розовых чикчирах, серебром расшитых, махру курит.

— Так и так, товарищ комкор, разрешите доложить. Я сейчас съезжу к Невзорову. Видно устал малый до того, что ключ на дом увез.

Комкор как вскипятится.

— На дом? Ключи от дислокации? Посадить его, сукиного сына, на пятнадцать суток с исполнением обязанностей, а если повторится — под суд.

Жалко мне стало приятеля, но по существу прав комкор. Козырнул я и в машину. Приезжаю к Веретьевым. Отворяет Марина.

— Николай дома?

— Нет, он не приезжал.

— А ты, чорт!

Тут признаться у меня под ложечкой заскребло.

— Где ж он может быть?

Вижу у Марины слезы по щекам побежали. Я ее за руку

— Стоп. Вы знаете? Говорите мигом. Дело...

Тут она меня перебила. Вцепилась ручками мне в плечи, плачет, заливаясь.

— Товарищ Акимов. Я знаю, где он. Только он, право, не виноват. Это все она. Дайте мне вашу машину, а сами подождите меня здесь. Я его через десять минут привезу.

У меня тогда и в мыслях настоящего подозрения не было. Подумал, помню: — экий дурак. Такой свеженький цветочек на старую бабу променял.

А сам говорю Марине:

— Я с вами поеду.

Она взмолилась.

«Нет, ради бога. Ведь вы его товарищ. Ему будет ужасно, если вы его увидите. Я сама все сделаю».

И вся дрожит бедняга. Стало мне жаль ее.

— Ну, — говорю, — поезжайте. Да только мигом. А то влетит и мне.

Унеслась машина. Сел я в невзоровской комнате, жду, губы кусаю. Шпорой весь пол изодрал. Десять минут... двадцать минут... двадцать пять. Выругался я, встал и соображаю. Вдруг слышу шум, подъезжает машина. Я на крыльцо. Машина пустая, один шоффер и морда растерянная.

— Я его за горлянку: — Где барышня? А у самого дикое подозрение, — что коли она меня надула и скрылась? Вот влип!

Шоффер докладывает, что привез он барышню в переулок, она приказала остановиться, слезла, прошла вглубь переулка, а уходя сказала ему, чтобы он ждал десять минут, а если не вернется, чтоб ехал за товарищем Акимовым и вез его. Только не подъезжать к тому дому, а остановиться поодаль, как сейчас, и итти выручать ее.

Я и не дослушал. Вскочил в машину, на ходу маузер вытащил, шоффера дулом в спину.

— Гони, как ветер.

Ну ж и перли мы. Двух собак в лепешку, кур подавили, а жители от автомобиля, как от черта бежали. Приперли на самую окраину. Узенький переулочек, в конце домик. Стала машина на углу, я выскочил и бегом к домику. Добежал, потрогал калитку, заперто. Я, недолго думая, через забор.

Потрогал дверь — заперто. Я кругом. Смотрю, — в одном окошке тусклый свет. Подполз я, как пес, под окошко, прильнул. Вижу, щелка в занавеске. Заглянул и обомлел.

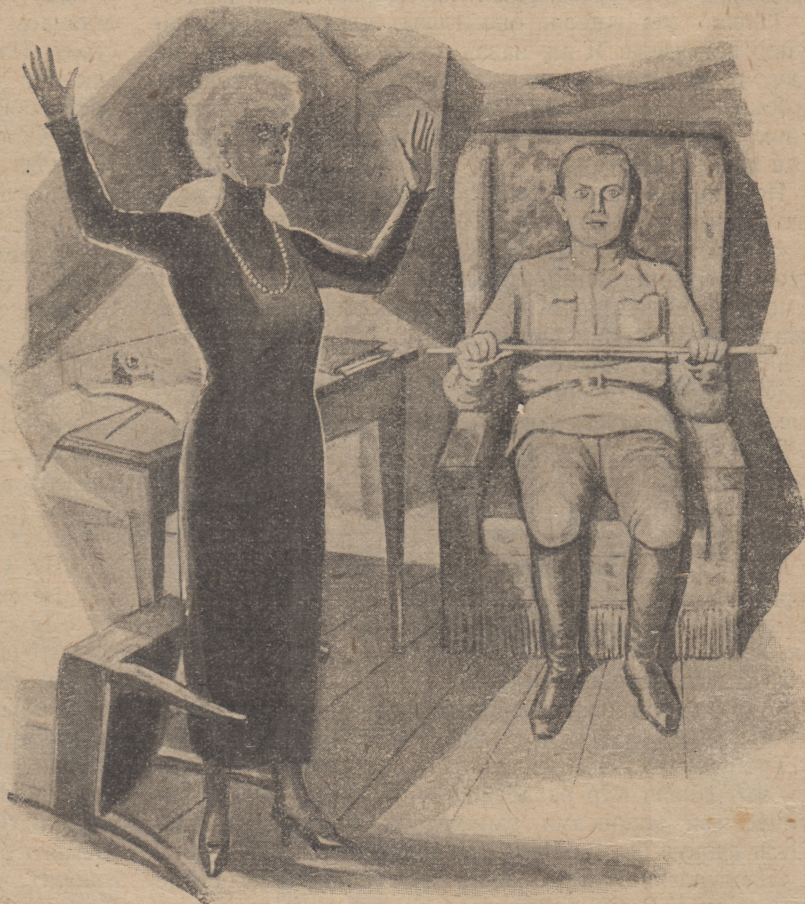
В комнате на кресле сидит Невзоров. Откинулся на спинку. Лицо, как мел, белое, в руках держит папку. Папка зеленая и, как я ее увидел, у меня земля под ногами вертуном пошла. Сразу узнал нашу папку с дислокацией. И вижу — Невзоров головой покачивает, губы шевелятся, видно читает вслух. А напротив него за столиком дама эта самая старая. Перед ней кипка бумаги и чернильница, она сидит и пишет. Торопливо так, видно под диктовку стараются успеть.

А нитка жемчужная на шее покачивается, то розовым, то голубым отлиывает. Тут вошла в меня такая

злоба, что и рассказать даже трудно. Все замутилось.

— Ах ты ж, прохвост, — думаю, — продажная твоя душонка, мерзавец! Так-то. Два года соль-хлеб вместе делили, вместе мыкались, вместе страдали, а теперь дело рабочее, товарищей продал за кусок старой говядины, за пададь эту жемчужную. Я ж тебя и угроблю!

И уже поднял я маузер и навел через стекло. Хорошо была голова его освещена. Лоб как мишень в тире, белел, один нажим — и ваши с дырочкой. Но тут словно меня кто под руку толкнул и сказал:

Руки вверх, сволочи! —

— А ты поспокойней, Акимов. А еще комиссар! Сам расправляться не мог. Должен живьем голубчиков взять, а особо бабу. В штабе разберут, как и что и каждому по заслугам.

Ну, послушался я этого голоса, опустил револьвер и огляделся. Вижу, рядом маленькая дверка, видать, что черный ход на кухню, должно быть. Подошел, поворошил тихонько, — заперто изнутри на крючок. Потянул дверь — махонькая щелка. Однако, дуло маузера прошло. Поднажал я кверху, крючок соскочил с таким слабым звоном, а я весь замер. Нервы у меня расходились, так этот звон показался таким, будто в царь-колокол спяна звонарь билом треснул. Однако, прислушался, — все тихо. Ни звука. Пролез я в дверку, прополз через кухню, попал в коридорчик, угодил рукой в боченок с кислой капустой.

В конце коридорчика еще дверь и из-за нее голос. Страшный такой, словно пономарь по покой-

нику читает. Ровно и скучно. Добрался я до этой двери, прильнул ухом. Голос явно Невзорова. Читает вслух. И вот как сейчас слышу, так запомнилось на всю жизнь.

...Краснознаменной железной дивизии наступать на участке от урочища Карловка включительно, до хутора Либенталь исключительно. Атаку ведут первая и третья бригады, вторая бригада и сводный полк петроградских курсантов составляют боевой резерв. Атака начинается через час после начала демонстрации на левом фланге по сигналу тремя белыми и одной красной ракетой. Пятой стрелковой дивизии наступать от хутора Либенталь включительно...

крикнул Акимов.

Помню, как я на этом слове зубами закричал и как опять в меня злоба вошла. Поднял я руку, да как рвану дверь. Она настезь, я в комнату.

— Руки вверх, сволочи!..

Стул у дамочки в сторону, вскочила, обернулась ко мне и руки вскинула. И тут увидел, я такое, что до сих пор по спине мурашки. Невзоров даже голову на мой крик не повернул. Продолжает сидеть в той же позе, хоть бы хны, и читает.

— ...Наступление ведут двадцать третий, двадцать четвертый...

Я его на мушку.

— Хватит! И так слышал. Вставай на разделку.

А он опять читает. Каюсь, чуть опять не нажал собачку, да только целясь увидел, что глаза у него неподвижные, стеклянные, как у фарфоровой куклы. Даже страшно мне стало. Огляделся, — батюшки!

В другом кресле Марина и в такой же позе и такие же глаза.

А дамочка эта старая в глаза мне уперлась и в глазах ненависть и еще что-то такое черное, заволакивающее, как болотная муть, и вспомнил я, как Невзоров рассказывал про свинцовый колпак на затылке. И сам почувствовал, как будто в затылок мне большая собака вцепилась.

А старая карга ко мне руки вытянула и водит ими.

— Опusti руки, — говорю, — старая стерва!

А она опять. Тут мне не в моготу стало. Дернул я маузером, поймал ее переносицу, застлало на минутку ее рожу дымком и повалилась она, как дерево. Только мне в лицо кровью брызнуло. Уж тут не помню, как я выхватил у Невзорова из рук папку, собрал со стола бумаги и кинулся за машиной. Попытался растолкать Невзорова и Марину, да куда. Словно фигуры из музея, только головами качают. Погрузили мы их с шоффером в машину, захватили туда старуху дохлую и в штаб. Вот и вся история.

Краснознаменец замолчал и вытянулся. За окном вагона переливалась ртутными искрами шелковая гладь Сиваша.

— Ну, а дальше что было? — спросила капризно девушка в шелковой голубой блузке.

— Дальше? — спросил краснознаменец, снова приподымаясь, — дальше все было очень просто. Привезли в штаб, вызвали врача. Врач установил сильный гипноз и долго мучился, пока привел и Невзорова и Марину в чувство. А когда они проснулись, ничего не помнили. Как будто провал в памяти.

— А здорово должно быть попало этому вашему приятелю из баричей, — сказал хмуро скептический слесарь.

Краснознаменец хитро повел на него глазом.

— Да! Уж попало так, что лучше и нельзя. Как привели голубчиков в чувство — так и пришел комкор. Засунул руки в карманы чикчир, покачал головой и говорит мне:

— Акимов! Я, кажись, приказал тебе посадить этого сукиного сына на пятнадцать суток?

— Так точно.

— Отставить! Я придумал ему лучшее наказание. Сведи его завтра с мадамзелью в Загс, а то он опять со старухами будет канителиться.

— Ну и повез я на утро голубчиков.

В купе захохотали. Девушка в голубой кофточке встала и вышла в коридор, а оттуда на площадку. Спустя минуту за ней отправился краснознаменец. Слесарь кончил доедать курицу, выбросил остатки в окно и сказал.

— Пойти-те руки помыть перед сном? — и иронически добавил: — Сказочники тоже!

Он прошел к уборной. В щель двери, выходящей на площадку, он увидел силуэты краснознаменца и девушки на лунной голубизне окна.

Слесарь хмыкнул и вошел обратно в купе.

— Видали наших соседей? — спросил его худой деловод, ехавший на Сакские грязи.

Слесарь пожал плечами.

— Видал! Все в порядке. Не верю я в эти штучки и не поверю. Вида-ть парень дошлый, придумал сказочку, чтоб девченку облапошить.

И скептически улегся на койку, накрывшись пиджаком.

Рассказ ГЕРБЕРТА МИД. Иллюстрации Г. ЛАНГЕ.

Фу-Шо не везло в жизни.

В десять лет он был зачислен послушником в один из тибетских монастырей, высоко на склонах Гималаев. Из этого учреждения его с позором выгнали через два года за то, что он оказался совершенно непригодным для произнесения длиннейших благословений и проклятий на голову населения Тибета. В тринадцать лет он уже работал; возможно, что его хозяин тоже был неудачником, но оба мужественно тянули свою лямку в продолжение пяти лет. Их взаимные обязательства окончились коренным разногласием в тот день, когда выяснилось, что Фу-Шо отправил одному немцу груз в сто тонн риса вместо заказанных пятидесяти. Немец не очень-то поторопился вернуть обратно излишек, который успел порядком попортиться в дороге. В итоге Фу-Шо остался без работы.

Однако, ему надо было как-нибудь добывать свой хлеб. Он отправился по ущельям, вдоль извилистых быстрых потоков, в Корею, и после долгих скитаний добрался, наконец, до горных кражей, которые тянутся позади Кванг-Хо. Когда же он очутился там, то оказалось, что игра вряд ли стоила свеч. Он перевалил через горы вместе с одним американским рудокопом и попал под власть пагубной золотой лихорадки.

Он в компании с американцем принялся вскапывать японскую территорию в Китае. Они воодушевленно копали ее несколько месяцев, пока американец, повидимому, устал от этого занятия, слег и умер, оставив Фу-Шо в наследство свою лопату и ведро. Фу-Шо приостановил работу ровно на столько времени, чтобы зарыть в землю своего сотоварища. Трудно судить был ли он огорчен или обрадован его смертью. Он просто в одиночестве, вооруженный двумя лопатами и двумя ведрами, продолжал то занятие, которому успел научиться. Продолжал не безуспешно, так как, перерыв около семивосьмью японских владений, он нашел золото. И к тому же в достаточном количестве. Казалось, что счастье, и вправду повернулось, наконец, к нему лицом. Но тут выступил на сцену некий Билль Рэйли.

Билль Рэйли был временно безработный бандит. Он специализировался на «обществе» поездов с грузом звонкой монеты, с помощью и с одобрения поездной охраны, имея к тому же своим главным сообщником, — роль которого заключалась в оказании необходимого покровительства, — военного губернатора Кванг-Хо. Оба прекрасно преуспевали, деля поровну доходы с этого предприятия, пока Билль неблагоразумно не похитил деньги, предназначавшиеся какому-то важному сановнику в Сеуле. Сановник в грозном письме к губернатору Кванг-Хо разразился громом проклятий и потребовал чью-либо голову взамен своих денег.

Губернатор дважды перечел письмо, посмотрел на печать, тщетно попытался разобрать подпись и послал за Биллем.

— Билль, — торжественно обратился он к своему достойному компаньону, — вы чересчур заработались. Вам необходим отдых.

— Вот как, — проворчал Билль, — что же случилось?

— Я пытался сообщить вам это в мягкой форме, — обиженно ответил губернатор. — Предприятие расстроилось. Вы наступили на ногу одному джентльмену в Сеуле, его подпись похожа на вьющееся к низу растение, но его печать в полном порядке. А потому, во избежание болезненных осложнений, я рекомендую вам отдых в горах, который напомним вам Путней в день лодочных гонок (губернатор был в свое время питомцем Оксфордского университета). А пока вы будете находиться на лоне природы, подыщу кого-нибудь, у кого нет готовых поднять шум друзей, и велю прикончить его обычным порядком. Устрашающий пример для всякого, кто ворует

деньги у высокопоставленных лиц из Сеула. Все очень просто. Затем вы вернетесь и предприятие заработает по-прежнему. Au revoir, Билль.

— Но, послушайте-ка, м-р Такахири, — запротестовал Билль. — Я вовсе не желаю отправляться в какие-то горы. Да я там подохну с голоду!

— Фи, фи, мой друг! — ласково возразил губернатор. — Вы должны будете найти какой-нибудь выход из этого положения. Найдите его. Помните, что выход всегда есть, если человек не слишком разборчив в средствах, каким я вас считаю. Итак, пожелаю вам всякого благополучия и постараюсь ускорить нашу следующую встречу.

Он сделал нетерпеливый жест рукой, отмахиваясь от дальнейших протестов негодующего Билля и с тонкой усмешкой презрения на своем желтокожем лице проследил за ним глазами до самой двери; несмотря на то, что он был мошенником, губернатор все же был храбрым человеком. Правда, он сел на мель в своей служебной карьере по причине... Впрочем, не стоит углубляться в причины этого. Усевшись, после ухода Билля поудобнее в свое покойное кресло, он снова взялся за книгу и с улыбкой приятного предвкушения приготовился сопровождать героя романа в его прогулке по Парижу.

Что же касается м-ра Рэйли, то он с ворчанием отправился в горы и безутешно скитался там из деревни в деревню. В один жаркий июльский день он появился на краю оврага, в котором Фу-Шо трудился над своей золотосной жиллой. Тяжело отдуваясь и обливаясь потом, Билль остановился на гребне холма и, оглянувшись кругом, заметил китайца.

У м-ра Рэйли захватило дыхание. Он долго всматривался в работающую фигуру и, наконец, выразительно сплюнул.

— Ого, будь я проклят, если это не так, — произнес он и, держа наготове свое автоматическое ружье, осторожно стал подкрадываться к желтолицому золотоискателю. Дважды он в нерешимости останавливался и брался за курок. Но он не мог решиться хладнокровно застрелить другого человека. На это у него не хватало смелости, тут был бы нужен губернатор. И Билль продолжал приближаться к ничего не подозревавшему Фу-Шо и зашуршал ногами по песку, чтобы обратить на себя его внимание. При этом звуке китаец прервал свою работу и поднял на прищельно ленивые веки своих раскосых глаз. Если он и был встревожен его появлением, то все же не выказал никаких признаков волнения. Несколько мгновений они молчаливо смотрели друг на друга.

— Нашел золото? — небрежно спросил Билль.

Вместо ответа китаец показал на небольшую желтую погорюшку на груде старых мешков. Глаза Билля засветились алчными огоньками и он в несколько шагов очутился возле мешков.

— Вот оно! — нежно проговорил он, ласково перебирая пальцами золотой песок. Потом он окинул взглядом жалкую палатку и рабочие инструменты. Когда он снова повернулся к Фу-Шо, его физиономия отражала свирепую решимость.

— Убирайся вон, китайченок! — заорал он.

Фу-Шо недоумевающе заморгал глазами.

— Что вы хотите сказать? — спросил он.

Сжимая в правой руке ружье, Билль ткнул левой рукой вниз:

— Это принадлежит мне! — сказал он, выразительно ударив себя в грудь. — Понял?

Лицо Фу-Шо впервые приняло взволнованное выражение. Он с негодованием замахал руками в знак живейшего протеста. Потом, видя свою беспомощность, разра-

зился стремительным потоком китайских слов. Его глаза метали искры, лицо судорожно исказилось. Он, казалось, забыл о Билле, который внимательно прослушал его трехминутную тираду.

— Ну, хватит. Я достаточно знаю твой дурацкий язык, чтобы понять, что ты желаешь мне всяческой напасти. Зря стараешься. Проваливай поживее, пока цел! — И Билль энергичным толчком в спину направил смолкшего и не сопротивлявшегося ему китайца в гору. Фу-Шо даже не оглянувшись кругом, быстро удалился, оставив свое владение в руках Билля.

Как и полагалось ограбленному человеку, Фу-Шо в поисках защиты закона, отправился в Кванг-Хо. Прибыв в столицу, он стал умолять, чтобы его допустили к губернатору. Почтенный сановник утомленно зевнул, когда ему доложили о просьбе Фу-Шо, но милостиво согласился выслушать его. Фу-Шо робко и смиренно остановился на пороге.

— Что скажешь? — вяло процедил губернатор.

— Узнай, Светлейший, что у меня, Фу-Шо, насильно отнята золотоносная жила, которая находится в подвласт-

ные силы, он велел принести себе новую порцию ледяного напитка.

Но дело обстояло не так-то просто. Тюремный сторож из человеколюбия принес заключенному в земляных стенах тюрьмы Фу-Шо ведро воды. Это ведро, благодаря данной конструкции стен, сыграло роль разрушительного орудия. Ночью китаец в буквальном смысле промыл себе путь на волю и восходящее солнце застало его на расстоянии многих миль от Кванг-Хо и «правосудия».

После этого он несколько недель пробродил в горах, пока утерянная золотоносная жила, как магнит, не потянула его к себе обратно.

В течение этих недель м-р Рэйли был усиленно занят. Он в самом же начале сделал неприятное для себя открытие: жила на своем пути внезапно углублялась далеко в землю. Поэтому, чтобы нажить на ней состояние, требовалось прежде всего затратить некоторый капитал на ее разработку. Но судьба пришла ему на помощь. Она направила к нему некоего доктора Моррисона, человека с денежными средствами, хотя и небольшими, но достаточными для того, чтобы купить и построить машину для

Проваливай поживее, пока цел.

ной тебе области. Разбойник — белый человек, с волосами, похожими на красную глину и глазами как тина после дождя. Он...

— Э, это, очевидно, Билль, — подумал губернатор, усмехнувшись про себя такому описанию примет. — Разве Билль... — невольно произнес он вслух, но тотчас спохватился и осекся.

— Что ты соизволил произнести, о Почтеннейший!? — робко осведомился Фу-Шо.

— Я спросил, откуда ты родом, низкорожденный? — спокойно ответил губернатор.

Фу-Шо был несколько изумлен, но тотчас дал самые точные сведения.

— Из Тибета... Так, так, — задумчиво протянул губернатор, разглядывая выхоленные концы своих пальцев и, видимо, над чем-то размышляя. — А есть у тебя друзья, которые могли бы за тебя поручиться?

— Нет, господин.

Лицо губернатора внезапно изменилось. Он принял свой наиболее грозный и неприступный вид.

— Так вот как! — загремел он. — Ни слова больше! Не пытайся обмануть меня своими лживыми выдумками! Ты — презренный грабитель почтовых поездов! Не смей отрицать этого! Эй, стража! — И он приказал вошедшим солдатам посадить Фу-Шо в городскую тюрьму.

— Как это все удачно сложилось! — улыбнулся про себя губернатор, после того, как солдаты увели Фу-Шо. — Наконец-то я нашел жертву для сановника в Сеуле. — И почувствовав необходимость освежить свои утомлен-

бурения. Соглашение о совместном владении прииском было подписано и машина была установлена к тому времени, когда Фу-Шо вернулся обратно.

Изгнанник с удивлением увидел с вершины холма новое высокое сооружение. Два дня он, притаившись, прятался за уступами скал, прислушиваясь к глухому шуму машины и наблюдая за ее работой. Билль как-то раз заметил его, но только пригрозил ему кулаком. Ведь он не был убийцей.

Голод вынудил Фу-Шо наняться на поденную работу в соседних деревнях. Но он ухитрился в часы досуга сколотить себе жалкую лачугу на холме над прииском и в свободное от работы время часами поосиживал перед ней, беспомощно наблюдая за тем, что творилось на прииске.

Наконец, наступил день, когда Фу-Шо посчастливилось присвоить себе на ферме, где он работал, пистолет и патроны. Да еще какой пистолет! Образца, примерно, 1800 года, но все-таки еще способный выстрелить. Фу-Шо испробовал его в первый же свободный день. Присев на корточки на склоне холма и обхватив пистолет обеими руками, он наставил дуло в сторону Билля, поглощенного перетаскиванием ведра с золотоносным песком. Фу-Шо медленно спустил курок и старая рухлядь выстрелила с таким оглушительным громоханием, словно это был не пистолет, а настоящая гаубица. Заряд своротил на бок тонкую дымоходную трубу хижины Билля.

Физиономия Билля, цвета спелого томата, приняла

нежно-лимонный оттенок, а д-р Моррисон моментально выскочил из хижин.

— Господи помилуй! — воскликнул он. — Что бы это могло быть?

Билль, потерявший членораздельность речи, кивнул головой по направлению холма.

— Это... тот... китайченок! — пролепетал он, наконец. — Тот парень, что сошел с ума, как я вам рассказывал. Он пытался застрелить меня.

Овладев собой, Билль злобно выругался и зорал.

— Он совсем ошалел, говорю я вам!..

Второй заряд пришелся на добрую милю в сторону, но оба компаньона тотчас же плотно прижались носами и животами к земле. Бомбардировка с минутными остановками продолжалась около полудня, после чего враждебные действия были приостановлены по той простой причине, что Фу-Шо исчерпал все свои боевые запасы.

Доктор поднялся на ноги, отряхивая с себя пыль.

— Послушайте, — отрывисто сказал он, — это не может так продолжаться дольше. Ведь это же покушение на убийство! Я сейчас же отправлюсь к властям и вернусь завтра утром.

Преисполненный негодования, он оседлал лошадь предприятия «Рэйли и Моррисон» и ускорил. Билль в угрюмом молчании наблюдал за его отъездом: ему не очень-то улыбалась перспектива остаться одному. Однако, ночь прошла без особых происшествий и около полудня доктор Моррисон вернулся обратно.

При взгляде на его лицо, Билль почувствовал что-то неладное. Необходимо упомянуть, что д-р Моррисон был совестливым человеком. Если бы наличие совести всюду признавалось главным достоинством, он несомненно, мог бы, в случае своего желания, стать по крайней мере во главе Английского банка. Сурово посмотрев в глаза Биллю, он сухо спросил:

— М-р Рэйли, каким образом вы приобрели эти залежи?

— Я нашел их, — кисло протянул Билль.

Ваш ответ не вяжется с теми подробностями, которые сообщил мне губернатор Кванг-Хо...

Билль неприятно поежился...

...и которые, при данных обстоятельствах, я считаю вполне соответствующими истине. — Он сделал паузу.

— Что же вы намерены предпринять? — заключил он.

— Что вы имеете в виду? — пробормотал Билль.

— Вот что: либо я забираю обратно все деньги, которые я вложил в это сомнительное предприятие, либо вы отправитесь к этому китайцу и попытаетесь откупить у него золотосную жилу или часть ее на нашу общую долю. Я не желаю быть участником грабежа, будь то белого, будь то желтолицего человека. Губернатор Кванг-Хо любезно констатировал, что вы обманом ввели меня в сделку с вами и, кстати, поручил мне передать вам это письмо. Будьте добры, прочитав его, сообщить мне ваше решение.

С этими словами доктор передал Биллю официальный пакет. Сломав казенную печать, Билль вытащил из пакета следующее письмо, написанное бисерным почерком губернатора:

Мой дорогой Виллиам!

Видите, что получается при попытке полагаться на вашу искренность. Насколько мне представляется, старина, для вас возможен всего лишь один верный выход. Воспользуйтесь вашим автоматическим ружьем. Убейте вместо нас этого бандита Фу-Шо и я подробно опишу кому следует, как наш верноподданный м-р Рэйли в смертельной схватке убил опасного разбойника и грабителя поездов. Я сделаю из вас героя, Билль, после чего мы сможем побеседовать о моей доле участия в залежах. Она, конечно, будет равняться половине вашей доли. А милый доктор Моррисон последит за тем, чтобы я был точно осведомлен, какой доход приносит ваше предприятие. Он — честный человек, чего про нас с вами сказать нельзя. Такие люди порой даже гонятся в дело.

Вы удивляетесь, откуда мне известно все про Фу-Шо. Ах, Билль, я всюду имею глаза и уши.

Поразмыслите над этим, Билль и явитесь ко мне, когда дело будет сделано. Кажется, это все, что я хотел вам сказать. Неправда ли, какая сейчас стоит прекрасная погода?

Примите мое глубокое сожаление и т. п.

Ваш И. Такахири.

Окончив чтение, Билль неподвижно уставился в землю. Потом он медленно подошел к очагу и сжег письмо.

— Доктор, — сказал он, — раз вы уже докопались до этого, то признаюсь, что меня самого уже некоторое время тяготит тот способ, каким я спровадил китайца. Я буду рад исправить мою ошибку. Мне надо сделать кое-какие покупки в деревне. Я сейчас поеду туда и к ночи буду обратно. Если хотите, мы можем завтра утром повидать Фу-Шо. Если вы согласны помочь мне, я попытаюсь все уладить.

Д-р Моррисон порывисто подошел и протянул ему руку.

— Вот это сказано, как подобает порядочному человеку. Вашу руку, Билль.

На этом они и покончили. Час спустя Билль уехал в деревню за «кое-какими покупками», которые привели его в одну из самых грязных и заброшенных лагун этой местности, где он нашел жалкое подобие человека, сидевшего за бутылкой арака.

— Вставай, проклятая собака — свирепо завопил с порога Билль.

Пьяница скосил на Билля мутный взгляд.

— За каким чертом тебя принесло сюда? — прохрипел он.

— Вылезай-ка наружу, — ответил Билль, с силой отталкивая его, несмотря на протесты, от полуопорожненной бутылки. Вытащив его за дверь и поддерживая его одной рукой за шиворот, он потряс кулаком другой руки перед его носом.

— Есть у тебя лошадь?

— Нет.

— Сейчас я тебе достану.

Раздобыв дряхлую верховую клячу и взвалив на седло любителя арака, Билль потрясся с ним по дороге к дому.

Ранние октябрьские сумерки уже наступали, когда Билль остановил лошадей в виду прииска. Он вытащил из кармана небольшую пригоршню золотого песка.

— У меня нашлась для тебя работа — сообщил он своему уже отрезвевшему спутнику. Тот кивнул головой.

— Да уж знаю. А нет ли у тебя чегонибудь выпить?

— Нет. Слушай меня внимательно. Видишь вон ту лагуну на склоне холма?

Его спутник вытаращил глаза в сгустившийся сумрак.

— Да, вижу! — подтвердил он.

— Ну, так вот! В ней живет один китайченок. Сегодня ночью, — Билль сделал выразительную паузу, — сегодня ночью нужно, чтобы он был мертв. Я даю тебе в виде задатка вот это, — он протянул ему золото, — а завтра, если дело будет сделано, я встречу с тобой здесь, в это же время и отдам остальное. Согласен?

— Конечно! — заявил забуддыга, пряча в карман золото. — Только не забудь быть здесь завтра, а то тебе не поздоровится!

— Буду, — успокоительно ответил Билль, — обязательно буду. Ну, желаю удачи.

Пьяница ничего не ответил, но Билль слышал, как он при расставании что-то бормотал насчет «чертовски хлопотливого дела».

Когда Билль вошел в прииск хижину, обед был уже на столе. Д-р Моррисон приветливо кивнул ему на встречу, но Билль был молчаливо настроен и они пообедали, не обменявшись ни одним словом. Покончив с едой, Билль отказался от предложенной доктором партии пикета. Он, казалось, нервничал и по мере того, как приближалась ночь, то вскакивал и быстро шагал из угла в угол, то внезапно садился, уставя глаза на огонь очага. Д-р Моррисон почувствовал прилив жалости.

— Право, Билль, — мягко сказал он, — не стоит так терзаться насчет... вы сами знаете, насчет чего. Нам наверное удастся уладить все завтра.

Но Билль только молчаливо кивнул и по прежнему не сводил глаз с огня. Д-ру Моррисону вдруг показалось, что Билль напряженно к чему-то прислушивается, что он весь превратился в слух. Несколько минут он оставался в таком положении, затем порывисто встал и пробормотал:

— Я немного пройдуся.

Была черная, как чернила, ночь. И только крошечная полоска света из лагуны Фу-Шо прорезала окружающий мрак. Застыв неподвижно, Билль впился в нее глазами и ушами. Но огонек горел розно, не мигая и только легкий шестест ветра нарушал тишину ночи.

Наконец, это случилось. Со стороны холма донесся едва уловимый, заглушенный расстоянием звук выстрела. Билль напряженно затаил дыхание, но ничего больше не последовало, за исключением того, что крошечный огонек покосился, замигал и потух. Наступил полный мрак.

— О-о-о! — завопил Билль в внезапном ужасе и, обернувшись, разглядел рядом с собой фигуру д-ра Моррисона.

— Что с вами, дружище? — резко спросил доктор.

— Ничего, — с трудом выдавил Билль. — Да... похоже, что будет снег.

— Конечно!

Билль рассмеялся. «Первый снег»... — пробормотал он и рассмеялся еще сильнее.

Смутно раздраженный, д-р Моррисон вошел за ним в хижину и они молча улеглись. Среди ночи доктору почудилось, что Билль потихоньку смеется про себя в темноте, каким-то необычным и резким смехом.

При тусклом свете серого и холодного утра оба компаньона уселись за завтрак. По окончании его Билль сам предложил отправиться в путь.

— Сходим-ка сейчас туда, если вы готовы?

— Хорошо! — ответил доктор и без дальнейших разговоров они

Билль тотчас появился в дверях. Его взгляд упал на мертвого китайца.

— Эге! — воскликнул он. — Да его никак застрелили!

Д-р Моррисон рассеянно кивнул, пытливо исследуя взглядом помещение в поисках следов убийцы. Он наклонился, чтобы рассмотреть край ящика, изображавшего собой стол. Поэтому, он не видел того, что произошло дальше. Он только услышал оглушительный грохот, подобный извержению вулкана внутри самой хижины и, быстро подняв голову, больно ударился ею об стену. Несмотря на посыпавшиеся у него из глаз искры, он увидел, как Билль схватился рукой за сердце и как судорожно искривился его рот. Доктору случалось наблюдать это во время мировой войны, на полях Франции, и он знал, что это означало конец. Моментально очутившись рядом с Биллем, который повалился, как сноп, он подхватил его на руки. Глаза Билля закатились, голова свесилась на бок и он умер.

Мягко опустив безвольное тело на пол, доктор в ужасе оглянулся, ища убийцу. Но лачуга по-прежнему была пуста. В углу медленно дымилось одеяло, которым был покрыт Фу-Шо. Челюсти доктора дрогнули и побледнели как мел, он подошел к китайцу и стащил вниз одеяло. Оно

Билль схватился рукой за сердце.

направились к холму. Билль был в это утро в благодушном и веселом настроении. Но подойдя к лачуге, заколебался.

— Послушайте, доктор, — предложил он, — войдите ка вы первый... Вы знаете почему.

— Ну, конечно! — уступчиво согласился доктор и, опередив Билля, громко постучал в дверь жалкого жилища. Ответа не было. Прождав немного, он толкнул дверь и вошел внутрь.

Лачуга была пуста. Доктор внимательно оглянулся кругом — все было на месте — ящик, служивший столом, и второй ящик поменьше, заменявший стул... Затем он увидел Фу-Шо. Он был прислонен к стене на груди старых мешков, ветхое одеяло закрывало его до половины груди. И как раз над левым глазом чернела маленькая дырка. Он, повидимому, был мертв уже несколько часов.

Билль крикнул снаружи:

— Все в порядке, доктор?

— Да! — протяжно откликнулся доктор. — Теперь он не причинит вам никакого зла.

обнаружило руку с свисавшим из нее старинным пистолетом. Когда одеяло упало, пистолет с глухим звуком соскользнул на землю.

Д-р Моррисон безмолвно перевел взгляд с одного трупа на другой. Он только что был свидетелем того крайнего редкого явления, когда мышцы уже мертвого человека остаются в судорожном напряжении еще долгое время после смерти.

— Клянусь Юпитером! — перевел дыхание доктор. — Это кажется невозможным.

Он тщательно исследовал мертвую руку.

— Подумать только, что этот палец был невидимо сжат в течение нескольких часов, вплоть до того момента, когда Билль вошел в дверь. Последней судорогой пистолет разрядился и угодил в беднягу Билля!

Доктор так и не догадался, что Билль менее достоин сожаления, чем Фу-Шо. Когда он вышел из лачуги, его лицо отражало печаль: он до известной степени чувствовал себя ответственным за смерть Билля.

В. Иона

Иллюстрации
Л. Битингофа

IV.

В Сеуте им и денег дали. Они обязались служить в легионе пять лет за вознаграждение в семьсот пезет. Из этой суммы им выдали на руки триста пятьдесят, остальные они должны были получить в определенные сроки. Штатское платье у них отобрали; новобранцев одели в мундир; началась военная муштровка. Для старых солдат это занятие было привычным.

Труднее было освоиться с обстановкой. Легион был сборным пунктом для выбитых из колеи людей всевозможных национальностей. Тут были немцы, австрийцы, итальянцы, русские эмигранты, польские и румынские евреи, англичане, испанские преступники. Многие предпочли уйти в легион, чем очутиться у себя дома в тюрьме. Тут были авантюристы, мелкие шуллера, воры и воришки, убийцы, налетчики, дезертиры, беглые матросы — буйный и беспокойный элемент, вступивший в более или менее острый конфликт с законом. Было много и безработных неудачников, вроде Рате и Шренка, людей, выкинутых из социального тела послевоенной, судорожно лихорадившей Европы. Некоторые из них потеряли энергию и окончательно опустились; другие ожесточились. В общем, это была беспокойная команда без внутренней спайки, готовая распасться каждую минуту и сдерживаемая только строгой дисциплиной да невозможностью изменить свою участь.

На первой же неделе каши друзья попали в переплет. Рате не успел во время отдать честь сержанту и его на три часа поставили под ружье. Когда он вернулся в казарму, Шренка там уже не было. Оказалось, что он заметил, как какой-то легионер залез другому в сундук; поднял скандал; прибежал владелец сундука и они вдвоем с Шренком задали трепку вору. Тот с окровавленным носом пошел жаловаться; а так как он был испанцем, а те — иностранцами, то им в наказание закатали трехдневный арест.

Через три дня они снова появились ввзводе; Шренк подозвал Рате:

— Вот, рекомендую тебе Эрнста Тиля из Берлина. Подходящий парень.

Они пожали друг другу руки.

— Чорт, ну и хватка же у вас! — засмеялся Рате, выдергивая свою руку и глядя на стоявшего перед ним крепыша, лет 27, с серыми глазами и упрямым ртом. — Впрочем, поужинаем для первого знакомства; как раз пора.

— Как же вы попали в этот дом отдыха? — спросил Рате, — запивая кусок овечьего сыра кислым красным вином.

— Как попал? Очень просто: я искал работу, а это в Испании карается иностранным легионом.

Тиль оказался слесарем из Берлина. В октябре 1922 года закрылся завод, на котором он работал, и он два серых и холодных месяца провел в поисках нового места. Как-то он прочитал объявление, что испанское правительство ищет рабочих для постройки железной дороги. Он моментально направился в испан-

ское консульство; перед зданием уже тянулся длинный хвост безработных. Их подвергли медицинскому осмотру и отобрали самых сильных; правительство предупредительно дало им разрешение на выезд. В Испании им заявили, что железной дороги никакой нет, т.-е., собственно говоря, она строится, только не сейчас, потому что денег нет, их же предназначают в иностранный легион для работ в тылу. Они подняли скандал, обратились в германское генеральное консульство. Консул пожал плечами: он очень сожалеет, но ведь они подписали контракт; не создавать же из-за них международного конфликта. И чего они, собственно, хотят: климат там здоровый, пища хорошая, жалованье приличное, а Германия слишком бедна, чтобы содержать всех своих безработных.

Так и остались ни с чем; было их несколько сот человек. Тиль заболел и его вернули в Сеуту, остальные — где-то там, в горной стране, при здоровых харчах и здоровом климате, на кабилском фронте. Так, сказать, на санаторском режиме.

— Остерегайтесь заболеть! — прибавил Тиль. — Тут люди мрут от испанского гриппа, как от скоротечной чахотки. О малярии и тифе я уж и не говорю. И не тратьте зря денег. Пригодятся. Я, по крайней мере, твердо решил дать тягу. Впрочем, будьте крайне осторожны в разговорах. Публика здесь сволочная. Любой на вас донесет, чтобы выслужиться перед начальством. Не станете же вы доверять вон тому беглому крупье из Монте-Карло или тому вшивому русскому князю, а, может быть, и не князю, или вот этому швейцарцу с физиономией карманщика.

— Ладно! — сказал Рате. — Если хотите, давайте составим компанию.

В город их не выпускали, а держали все время в казарме. Через два месяца окончательно сформировали батальон. Пришел приказ о выступлении. В одно жаркое утро они двинулись; с батальоном шла пулеметная рота и легкая артиллерия; за ними, злобно шипя, грохотали три броневики с пулеметами. Снова появились белые домики, прикурнувшие в зелени, потом они вышли на открытое место.

Поля уже были сожжены солнцем. Бурая засохшая растительность покрывала окрестности. Они шли по довольно хорошему шоссе. Местность постепенно становилась выше.

— Что это так жарко становится? — спросил Рате.

— Сирокко! — ответил Шренк. — Вот еще не хватало!

Кожа у них как бы разбухла и покрылась мелким потом. Становилось все более душно; не было и сколько-нибудь заметного ветра. Казалось, будто они стоят перед раскаленной пастью громадной печи, и на них медленно пышет жар от тлеющих углей. Дышать стало трудно; кровь стучала в висках. Солдаты расстегнули все пуговицы. Впереди поднялась суматоха: человек упал от солнечного удара; его отнесли в тень эвкалиптового дерева.

Наконец, сделали привал; солдаты моментально скинули мундиры; нельзя было сказать, чтобы эта армия в подштанниках отличалась особенно геройским видом. В пять часов двинулись дальше. На первой стоянке уже весь отряд был измучен. Горы пододвинулись; завтра предстоял переход в горную область. День внезапно перешел в ночь. На иссиня-черном небе заблестели мириады звезд; кругом слышался противный, плачущий вой шакалов.

Так они шли четыре дня. Дорога становилась все круче; сбоку вздымались отвесные скалы. Они пере-

секли несколько горных рек, в которых в это время года почти уже не было воды. Они перешли горную грядку и вновь спустились; в отдалении поднимался новый массив.

На третьей стоянке они заметили далекий сноп лучей, усердно обшаривавший ущелья и вершины, а вслед за прожектором, через регулярные промежутки, раздавался залп орудий.

— Совсем, как семь лет тому назад на Дзине, — сказал Шренк.

— Там хоть воды было вдоволь, — заметил Тиль. Действительно, воды не хватало. Некоторые легионеры, несмотря на запрещение, напились из мутных лужиц, лежавших в руслах засохших рек. Начались желудочные заболевания. По ночам становилось решительно холодно и шинели плохо согревали спящих.

На другое утро они прошли мимо глиняной мазанки, перед которой сидели и болтали люди с забинтованными головами и руками. Это были легкораненые, ожидавшие перед полемым лазаретом обратного транспорта.

— Эх, счастливики! — заметил Тиль. — Эти хоть на время вышли из игры.

После обеда они очутились в долине, окруженной серыми горами.

— Посмотрите туда, вверх! — сказал Тиль. — Вот это светлое пятно у горы.

— А что?

— Это и есть Тизи-Ази, наш участок, куда нас отправляют.

Грохот пушек казался совершенно близким; все чаще навстречу попадались мелкие войсковые отряды. Временами издали слышалась слабая трескотня ружейных выстрелов и пулеметов. В этой пустынной и голой горной местности, отвечавшей гулом на каждый орудийный выстрел, все эти звуки принимали какой-то зловеющий характер. Весь отряд охватило нервное напряжение.

— Должен сознаться, — заметил Шренк, — что это, действительно, неприятное место!

V.

Тизи-Ази оказалась маленькой кабийской деревушкой, прилепившейся к большой скале. Там были устроены навесы и палатки для солдат и укрепления разного рода. Сзади поместился артиллерийский парк. Впереди, в несколько рядов, протянулась паутина провололочных заграждений.

Первая же ночь была беспокойной. Поднялась ложная тревога, началась пальба, наконец, все опять утомонилось. После рассвета начали обстреливать из орудий горы.

— Где же они, собственно — спросил Шренк долгоязого солдата в заплятанном и засаленном мундире иностранного легиона.

— А-а, ты — новичок. Там! — он указал на горы.

— Где — там? Ведь ни черта не видно.

— В том-то и дело. Папиросы есть?

Шренк угостил его.

— В этом отхожем месте у нас весь табак вышел. В том-то и дело, их даже летчики найти не могут. Они сидят пачками, гнездами, где-то в ущельи. Пока мы здесь, — ничего. А как только мы продвинемся вперед, они нас берут на прицел и убивают, как куропаток. Стрелки они хорошие. Только на броневиках и можно выходить за линию заграждений. Черти! Так и сидим здесь и ждем, пока не передохнем от тифа или гриппа.

Шренк кивнул в сторону артиллеристов.

— Чего же они стреляют по неизвестной цели?

— Не совсем-то неизвестной. Мы подкупаем берберов, стоящих с риффами в связи, и они нам дают указания, где их искать.

С дальней горы поднялось облачко и шрапнель взорвалась недалеко от заградительной линии. Вторая ударила в глиняную стену и разбила ее, не причинив никому вреда.

— Тут становится неудобно! — сказал новый солдат. — Уйдем лучше в прикрытие.

— Я не знал, что у них орудия есть.

— Как же! У Абд-эль-Керима их порядочно. Часть благоприобретена, а часть взята у французов и у нас.

— Ведь и из пушек они, черти, недурно стреляют, — заметил Шренк.

— Это не риффы; с орудиями они обращаться не умеют. Но у них есть тоже нечто вроде иностранного легиона. Есть офицеры, по большей части, немцы или австрийцы, а артиллеристы — все иностранцы. К счастью, снарядов у них не особенно много.

— Откуда же они их достают?

— Разное бывает. Главным образом, контрабандой, бывает, и наши часовые их пропускают за деньги. Аппарат налаженный. Так, по крайней мере, говорят. Я сам еще ни одного риффа не видал.

— А как долго ты здесь?

— Да третий месяц на исходе.

Артиллерийский огонь очень скоро прекратился. В форте оказалось двое убитых и несколько раненых.

— Мне здесь совсем не нравится, — сказал Шренк после ужина своим приятелям.

— Еще бы! Но что ж поделаешь?

— У них тоже иностранный легион. Послушайте, ведь, это интересно. Какая все таки масса таких незадачливых субъектов, как мы с вами. Понимаете, тело послевоенной Европы лихорадит и мы катимся, как зараженные кровяные шарики в больном организме, нигде не находя себе места и всюду отталкиваемые.

— Брось философствовать, бацилла ты несчастная! — заметил Рате. — Кроме того, твое сравнение хромает. Дай-ка лучше спичек. Закурим!

— А если нам не суждено найти для себя здорового места, то не махнуть ли нам к риффам?

— Как же ты это собираешься сделать?

— Удрать ночью, что ли? Я почем знаю. Надо сначала освоиться с обстановкой.

— Это, брат, пустое, — возразил Тиль, затянувшись папироской. — Чего ты у них не видал! Нам нужно в Европу, а не туда. Кроме того, ты не успеешь дойти. Если тебя сзади не пристрелят наши, то, наверно, уложат риффы. Да если бы ты даже дошел до них, то еще неизвестно, как они бы тебя приняли. Испанцы за каждого убитого риффа выдают денежное вознаграждение, как за волка. Пока я, правда, что-то не слышал, чтобы эти платежи особенно обременяли казну, но неужели ты думаешь, что это способствует гуманности взаимных отношений? Лучше обожждать, пока нас не уберут отсюда.

— А пока смотри в оба, — прибавил Рате, — чтобы тебя не уколошили; это главное.

— Поживем — увидим.

Тянулся день за днем, отвратительные, грязные дни. Прошло четыре томительных недели. Никаких особенных событий не случилось, за исключением двух вылазок, неизвестно зачем и куда, из которых броневики вернулись невредимыми, а солдаты изрядно потрепанными.

В одной из них принял участие и Рате. Отряд состоял из двух броневиков и цепи солдат. Прошли кило-

метр, прячась за обрывки скал, прошли полтора, — ни одного признака близости неприятеля. Вдруг сержант, шедший впереди, вскинул руки и мешком повалился на землю. Раздался сухой звук выстрела. Второй, третий. Один солдат застонал с простреленной ногой. Неприятеля по-прежнему не было видно. Солдаты спрятались за случайными прикрытиями. Тут их взяли под обстрел новые невидимые неприятели, оказавшиеся сзади. Броневики стали между ними и своими солдатами и начали на-авось палить из пулеметов, пока им не надоело обстреливать горы. Риффы уже давно прекратили стрельбу, не желая по-пусту тратить дорогие патроны. Так они простояли день, пока не настала ночь; тогда они подобрали убитых и раненых и ушли под прикрытием темноты.

Только всего и было ратных подвигов.

VI

Так проходили томительные дни. Ночью иногда поднималась тревога, стреляли по каким-то теням, в темноту. Днем солдаты изнывали от жары, ночью мерзли. Воды было мало; едва хватало для питья, мыться было трудно. Мучили кожные болезни, кусали блохи и вши. Каждый день было несколько заболеваний тифом и испанкой; трясла лихорадка. Тяжело больных увозили куда-то в тыл. За первый месяц они потеряли почти треть больными; неприятеля они так и не увидели. Все ходили исхудавшие, злые; часто не хватало хины и других лекарств. Один сошел с ума; взял штык и стал бросаться на всех; он проколол плечо солдату, прежде чем унтер не пристрелил его из револьвера.

Рате заболел малярией в легкой форме. Он пожелтел и осунулся. Тиль ходил сердитый и огрызался на всех. Шренк все строил планы.

В довершение всего появились слухи, что племена, жившие в тылу, начинают волноваться и готовы присоединиться к воюющим риффам; уже были случаи нападения на испанские отряды.

— Вот увидите, они нам отрежут отступление и всех нас изведут, как тараканов, — предсказывал Тиль. — И угораздило же нас попасть на эту проклятую каторгу.

Они сидели вечером в палатке. У Рате начался приступ лихорадки; Шренк заботливо закутал его в одеяло.

— Тиль, не чертыхайся. Тебе что, ты сейчас можешь спать. А мне итти на передовой караул.

Он закурил.

— Недавно я раскрываю газету и вижу, большими буквами: «Вы спите, а кинглакс работает». Я сначала подумал, что это обличительная статья против нового неслыханного вида эксплуатации. Оказалось, ничего подобного; это рекламировали слабительное. Вы вечером принимаете снадобье, спокойно засыпаете, а утром просыпаетесь веселый и чувствуете благодатное действие.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Что мало ли какие могут быть неожиданности.

— Никаких тут неожиданностей, кроме неприятных быть не может.

— Кто знает... Может быть я сегодня встречу риффских разведчиков и налажу с ними отношений, а завтра мы удерем к ним. Все равно, жизнь копейка и выхода нет.

— Охота тебе говорить чепуху, — ворчал Тиль, — не деловой ты парень. Проваливай, кинглакс, не мешай людям спать.

Шренк взял винтовку и ушел, насвистывая «Мальбрука».

На рассвете Тиль растолкал Рате.

— Случилось несчастье! — кричал он. — Шренка убили.

Рате вскочил. Они выбежали. В нескольких стах метров от проволочных линий лежало три трупа. Шренк лежал с колотой раной в шее, уткнувшись лицом в песок и скрючив пальцы. Винтовки и патроны убитых исчезли.

Тяжелый комок подкатился к горлу Рате. Без слов он смотрел на тело товарища, с которым он делил горе вот уж много месяцев.

— Хороший был парень! — сказал Тиль. — Завтра очередь за нами. Жизнь копейка.

Они понесли тело убитого обратно.

— Возьми его сапоги, — сказал Рате. — Они лучше твоих.

Деньги покойного они забрали. Пригодятся.

Они опустили труп в щель между скалами и завалили ее большими камнями, чтобы ее не съели шакалы. Одной могилой безвестного солдата больше в северо-африканских горах.

День прошел уныло. К вечеру в тылу послышалась ожесточенная пальба. Полевой телефон не действовал; очевидно, перерезали провода. К утру пришел приказ о немедленном отступлении. Вьючных животных не хватило; передохли. Часть огнеприпасов и багаж, палатки и лекарства, пришлось оставить. Все это снесли в кучу, облили керосином и зажгли. Отряд двинулся обратно. За ним стояло пламя пожара, и слышался грохот от взрывающихся в огне снарядов. Опять перед ними прошли те же пустынные долины, кручи и массивы. В одном месте их обстреливали; к счастью, дело обошлось без особенных потерь. Изнуренный и больной, Рате безучастно плелся в отряде. Обратный путь в Сеуту они прошли гораздо скорее, чем путь в гору, месяц тому назад.

В Сеуте Рате быстро поправился; он опять начал ругаться и строить планы.

— Надо постараться убежать отсюда! — сказал он Тилу.

— Я уж и сам думал, но не воображаешь ли ты, что это так легко? Ведь, это военный порт; тут ни одна крыса не уйдет незаметно. Власти прекрасно знают, что половина легиона только и мечтает о том, как бы удрасть. Не можем же мы, — прибавил он раздраженным тоном, — украсть аэроплан и улететь под обстрелом зенитных орудий, попутно спасая прекрасную дочь миллиардера, как в американской фильме.

— Ну, если ты не хочешь, я сам уйду.

— Что за постановка вопроса! Конечно, я удеру с тобой.

VII.

Рате посчастливилось; ему поручили закупку съестных припасов для взвода. Он стал каждый день бывать на базаре и познакомился с торговцами. Торговец рыбой Али-эль-Реджем показался ему подходящим контрагентом.

Однажды утром он зашел с Тилем поговорить о деле; Али-эль-Реджем пригласил их в заднее помещение лавки на чашку кофе. Рате спросил, много ли рыбаков работает на него.

— Дело вовсе не в этом, — прервал Тиль: — не можешь ли ты нам достать лодку?

Араб провел толстым пальцем волнистую линию по воздуху и ответил, что лодок в море много.

— Одним словом: Cuanto (сколько)? — спросил Тиль решительно.

Али-эль-Реджем сказал, что лодки бывают разные; не желают ли сеньоры половить рыбу.

— Не мешай! — заметил Рате по немецки. — Здесь дела так не делаются: этому арабу, ведь, не только нужно заключить сделку, но и просмаковать ее; иначе для него пропадает все удовольствие.

Нетерпеливый Тиль ушел. Когда он через полчаса вернулся, Рате сидел за третьей чашкой и вел мирную беседу о рыбной ловле в Северном море. Когда он зашел через новые полчаса, торговец сказал, что лодку он, пожалуй, и мог бы дать. Прошло еще полчаса и Рате, допивая седьмую чашку черного кофе, отчаянно торговался из-за цены. Наконец, они решили, что Али-эль-Реджем им достанет штатское платье и доставит их к рыбаку, который их перевезет через пролив. За

езду. Он разговаривал с случайными прохожими. Наконец, он стал отвязывать канат, которым лодка была прикреплена к берегу.

— Не надо ли свежей рыбы на завтра? — спросил он случайно подошедшего портового чиновника.

Случилось несчастье Шренка убили.

все, — платье, перевозку и комиссию, — он получит 550 пезет.

На другой день они вечером зашли к Реджему и переоделись; гражданское платье оказалось отчаянной ветошью. Ругаться уже было поздно. Ленивой походкой они пошли вслед за торговцем, который как бы совершал свою вечернюю прогулку. На отдаленном краю пристани качалась рыбацья парусная лодка. Али-эль-Реджем многозначительно остановился перед ней и пошел дальше. Беглецы обождали немного и затем осторожно пробрались в лодку, спрятались в отделении, куда рыбаки кидали пойманную рыбу, и покрылись сверху сетями. Через некоторое время пришел рыбак с мальчиком и неспеша стал готовиться к отъ-

— Нет, Гассан, завтра не нужно.

Они медленно поплыли из гавани и на некотором расстоянии стали лавировать, как бы в поисках хорошего места для ловли. Потом они обогнули мыс и, когда город исчез за холмами, рыбак сказал:

— Вылезайте, сеньоры. Опасности больше нет.

Они с наслаждением вдохнули свежий морской воздух. Над ними блестело звездное небо; луны не было. Лодка взяла курс на север. Еще до рассвета они причалили к земле. Гассан протянул руку к темному высокому побережью:

— Гибралтар!

Они выпрыгнули на землю.

— Держитесь правой руки.

— Спасибо, Гассан. Мир с тобой.

— И с вами мир.

Лодка отчалила и медленно уплыла в море. Беглецы пошли в указанном направлении, стараясь выйти на тропинку. Не успели они отойти несколько сот шагов от берега, как их встретил окрик:

— Стой!

Из кустов вышел английский патруль.

— Ваши документы? Нет? Ну, я так и думал. Марш вперед!

Их отвели на гауптвахту и заперли в темной камере.

— Конечно, — сказал в отчаянии Рате. — Напрасно мы надеялись.

— погоди еще, — заметил Тиль. — Ведь, это не испанцы.

Утром их выпустили и повели к дежурному офицеру, костлявому молодому человеку с чудовищным количеством веснушек на курносом лице.

— Вот, сэр, шпионы, которых мы ночью поймали! — доложил караульный.

— Кто вы такие?

Рате заявил, что они беглые legionеры и в доказательство располор подошву ботинка и вынул документ. Офицер внимательно просмотрел его.

— Я обязан выдать вас испанским властям.

У беглецов сердце екнуло.

— Вы этого не сделаете, — сказал Рате с жаром.

— То есть, как это не сделаю! Как вы смеете разговаривать со мной в таком тоне?

— Нет, вы этого не сделаете. Они нас обманом заплели в легион и насильно там удерживали. Вы спортсмен и понимаете, что это нечестная игра. Кроме того, вы англичанин и знаете, что вам нет никакого интереса помогать испанцам укрепляться по ту сторону пролива.

Неизвестно, что помогло, апелляция ли к спортивной порядочности или к национальной политике, — только офицер усмехнулся и сказал:

— Хорошо, я вам дам пропуск; с ним вы пройдете до границы наших владений; а дальше — как сами знаете. Только проваливайте немедленно.

Рате был вне себя от радости.

— Видишь, — сказал ему Тиль, — я тебе говорил, не так это страшно.

Они обогнули укрепления и быстро прошли небольшую иглу Гибралтара. На границе солдат за несколько пезет дал им указания, как лучше всего пробраться через границу. Они выждали до вечера и благополучно перешли нейтральную зону и границу, не будучи никем задержаны. Впрочем, пограничная полоса плохо охранялась.

VIII.

Быстрым шагом они пошли дальше, держась северного направления. Они шли всю ночь и к утру вышли на железную дорогу.

— Ну, как дальше быть, Рате? — спросил Тиль.

— Нужно выбраться в какую-нибудь гавань, например, в Кадикс.

— Номер не пройдет. Можешь быть уверен, что вчера уже дали знать по радио во все гавани, что мы с тобой взяли преждевременный отпуск. Теперь мы в большой мышеловке. Надо постараться найти где-нибудь дыру и проскользнуть через нее; только подальше от южного берега. Но как пройти незаметно? Меня смущает одежда; проклятый араб надул нас. Ну, посмотри, разве это штаны?

Он указал рукой на ветхий, заплатанный футляр, покрывавший его ноги. Они оба здорово осунулись за последние недели. Черты лица стали резче; рот потемнел от едкой пыли.

— Если посмотреть на тебя при утреннем освещении, то нервного человека может в дрожь бросить. Как есть, беглый взломщик.

— Да и мимо тебя ни один полицейский не пройдет, чтобы не почувствовать непреодолимого желания арестовать.

— То-то и оно-то! Чуть что, у нас спросят документы и тогда пиши пропало.

— Ну, в поезде не проверяют.

— Да, но денег у нас осталось маловато. Их нужно беречь. Может быть придется подкупить матроса, чтобы пустил нас на судно.

— Ничего, зайцем проедем.

По полотну они пошли дальше. Было пыльно и знойно. Сухость и прозрачность воздуха, очертания гор, резко выступающая даль неприятно напоминали покинутую Африку. Наконец, они подошли к небольшому городу.

— У меня идея, — сказал Рате.

У старьевщика он купил себе и Тилью по лопате и мотыге. Он связал свой инструмент веревкой и взвалил его на плечо.

— Теперь гляди смело и вали прямо на вокзал. Нас наняли для земляных работ в Аликанте, куда мы и едем.

Они сели в вагон. В проходе Рате подкараулил контролера и заявил:

— Сеньор, мы с товарищем опоздали на поезд и не успели купить билеты. Войдите в наше положение.

И он положил ему в руку пять пезет.

Тот поклонился.

— Все в порядке, сеньор!

— Теперь спи спокойно, — сказал Рате приятно. — Все в порядке.

Но на следующей станции к ним вошел новый контролер и получил свою мзду.

— Что это у них так часто проводников меняют? — заворчал Тиль.

— Боюсь, что первый проводник просто подослал второго, чтобы дать ему заработать.

— Но ведь это нечестно! — возмутился Тиль.

— Толкуй ты с ними!

Прошло еще две станции, и к ним заявился третий контролер. Тиль ругался.

— С этими акулами каши не сваришь, уйдем отсюда. Попробуем счастья другим путем.

Дело было к вечеру; они снова подъезжали к станции. Это был сравнительно большой город — Гранада. Станционные здания, впрочем, являли типичный вид провинциальной запущенности. Первым делом они изучили расписание поездов, затем купили хлеба и плодов, выбрали на перроне угол потемнее и стали кусывать. Вдруг, в десяти шагах от них, поднялся отчаянный визг; какой-то женский голос призывал на кого-то все проклятия святого Якова Компостельского и все истязания ада, с перечислением частей тела проклинаемого и подробным указанием, что именно с ними надо было сделать. Оказалось, что у женщины украли узел. Собралась толпа, сочувствовавшая и дававшая советы. Прибежал театральный тип в шляпе с плюмажем, — жандарм. Тиль собрал свой ужин и вполне сказал:

— Рате, пойдем поскорее отсюда.

— Вот иностранцы! — Вот они! — Что, поймали? — Никто, как они! — Держи воров, держи! — Ой, какие они страшные!

Их окружила толпа, враждебная и угрожающая. Кто-то схватил Тиль за шиворот. Тот сильным толчком освободился. В толпе сжались кулаки, блеснул нож, поднялись палки. Жандарм растолкал толпу.

— Спокойствие, сеньоры! Все должно совершиться по закону.

Он строго крикнул на беглецов.

— Где украденный узел?

— Помилуйте, — вскричал Рате, — да мы и не думали красть его; мы не воры, мы сидели в двадцати шагах от сеньоры и ужинали; мы ее и не видали.

— Кто вы такие?

— Мы едем в Аликанте, куда нас наняли на земляные работы.

— Ваши документы?

— Документы? Их у нас украли вчера в вагоне, вместе с вещами. У вас много крадут в поездах...

Жандарм встал в позу, видимо, рисуясь перед женщинами.

— Укра-а-али? Ага!

Он дал два свистка.

— Совершенно очевидно, что это — опасные преступники. Сеньора! — обратился он к потерпевшей, — будьте спокойны. Власти приложат все усилия, чтобы вернуть вам украденное и наказать виновных. Будьте совершенно спокойны.

Прибежало два жандарма. У наших горемык отобрали инструменты и повели через площадь, а позади шла и гудела толпа, желавшая до конца насладиться зрелищем. Перед ними оказалось темное строение с решетчатыми окнами, — очевидно, арестное помещение при вокзале. Их втолкнули в камеру. Все это продолжалось не больше десяти минут.

В камере они различили нары, на них — рваное одеяло.

Тиль в изнеможении сел.

— Теперь — крышка! — сказал он сдавленным голосом. — Кончено! Завтра нам устроят допрос, в конце-концов, узнают, кто мы такие, закатят нам в легионе несколько месяцев строгого ареста и загнойт в какой-нибудь малярийно-тифозной дыре. Ну, и вымотают же они у нас все кишки! Крышка! Стоило бежать из легиона.

Рате хмуро молчал.

— Это я тебя подвел. Я — просто социально-опасный идиот. Угрозидило же меня заговорить с тобой в этот момент на вокзале.

Рате пытался утешить товарища.

— Брось, — сказал он, — что за дурацкие мысли! Глупая случайность, больше ничего. — В чем же твоя вина?

— И за что у меня такая проклятая судьба? Не нужно мне никаких Африк и никаких приключений. Я просто рабочий человек и хочу работать. Имею я на это право или нет? А меня кидает из одной беды в другую. Чорт!

Он растянулся на нарах и уткнулся лицом в стенку. Рате тоже лег. Стало совсем темно. Прошло несколько часов. Они лежали тихо, но не могли спать. На них нашло тупое отчаяние. Уж очень горько было возвращаться в легион, и на этот раз — на несравненно худших, каторжных условиях.

Рате лежал на спине с открытыми глазами. Вдруг он вскочил.

— Тиль, смотри, звезда!

— А мне наплевать!

— Да звезда-то в потолке! Тиль, становись, ты сильнее.

Тиль стал на полу, широко расставив ноги. Рате вскарабкался ему на плечи; он довольно свободно мог достать до потолка. Он вынул нож из кармана и принялся ковырять в штукатурке.

Крыша строения представляла собою плоскую надстилку из бревен, досок, проволоки и плотно утрамбованной глины. От старости и дождей все это несколько прогнило, заржавело, потрескалось. На потолке образовалась щель. Рате скоро удалось ее расширить; он с удвоенной энергией взялся за работу; нож был крепкий и отламывал большие куски глины и разрывал ветхую проволоку. Тиль под ним держал одеяло, чтобы куски не падали на пол и не производили шума. Он повеселел и ругался.

— Узнаю испанское свинство! Они даже порядочно строить не умеют. Этот важный осел нас даже не обескал. Поразительная халатность!

— Тише, нас могут услышать! — сказал Рате шепотом. — И чего ты ругаешься? Нам же от этого лучше.

— Конечно, но разве это порядок? Попробуй-ка убежать из германской тюрьмы! Ох-хо-хо!

Через час отверстие в крыше было достаточно широко, чтобы пропустить человека. Рате пролез на крышу; кругом было темно и безлюдно.

Тиль тем временем разрезал одеяло на полосы и связал из них веревку, с помощью которой Рате помог ему выбраться наружу. Та-же веревка помогла им осторожно спуститься с крыши. Они снова были на свободе.

Медленно, и как ни в чем не бывало, пошли они по плохо освещенной улице, перелезли через вокзальный забор и спрятались в вагоне, стоявшем на запасном пути.

— Пешком нам далеко не уйти, — сказал Тиль. — Путь к спасению один — железная дорога. В час сорок придет товаро-пассажирский из Кадикса, на нем мы и поедем.

После двух часов они увидели дальние огни и услышали грохот. Пыхтя и шипя, подполз длинный состав и остановился. Они выждали, пока смазчики не обошли вагонов, и потом отправились обследовать поезд с заднего конца. На их счастье, в составе было несколько пустых товарных вагонов; в один из них они и забрались, плотно закрыв за собой дверь. Поезд простоял минут двадцать и когда тронулся, беглецы вздохнули с облегчением.

— Прощай, Гранада! — сказал Рате. — Чтоб тебе провалиться!

IX.

Так медленно ехали они весь день, останавливаясь у каждой захудалой станции; поезд не торопился. Вагон на любой остановке могли открыть или отцепить. Сначала они сидели, насторожившись, готовые встретить любую случайность, но потом усталость взяла свое; они крепко уснули.

Рате проснулся от томительного чувства; он оглянулся и заметил, что его товарищ, зевая, прислонился к стенке.

— Тиль, — спросил он, — ты жрать не хочешь?

— Как не хочу? Все кишки сводит. А они нам вчера и поужинать не дали. Но ничего не поделаешь: здесь слишком рискованно выходить. Обожди до темноты. Попробуем еще поспать.

Они снова растянулись. Поезд медленно плелся по долине. Было нестерпимо душно в темном вагоне; поезд качал. Они забылись в тяжелом сне.

Вдруг кто-то отодвинул дверцы и свет фонаря ослепил им глаза. Кругом уже было темно.

— Это еще что за бродяги? — сказал сердитый голос. — И как они комфортабельно храпят! Вылезай, сволочь!

Рате разглядел форменную фуражку железнодорожного служащего.

— Если вы так легко расстаетесь с деньгами, то у вас на это должны быть веские причины; верно, сварганили крупное дельце. Служебный долг не позволяет мне отпустить вас. Одним словом, пятьдесят пезет.

— Но у нас нет пятидесяти пезет, — уверял его Рате.

Испанец елабо захрипел под кляпом.

— Тише, сеньор! — сказал он шопотом и показал ему кредитку.

— А, это другое дело, — ответил железнодорожник, немного понизив голос: — только этого мало: двадцать пять пезет.

— Тише, сеньор! — повторил Рате.

— Ерунда, никто не слышит. Кругом ночь. Двадцать пять пезет.

— Дай ему двадцать пять и пусть он подавится! — сказал Тиль. Рате отсчитал деньги. Железнодорожник спрятал кредитки; фонарь он поставил в вагон.

— Я позову жандармов.

— Сеньор, — сказал ему Тиль, — у нас действительно нет денег. Но у меня есть перстень, ничего особенного, впрочем; но может быть, он вас устроит.

Железнодорожник нагнул голову. Тиль схватил его за горло и оглушил его ударом в висок. Тот сразу повис у него на руке. Тиль втянул его в вагон, как мешок; фонарь покати́лся в угол и потух. Рате быстро задвинул дверь.

— Тише, — сказал он, — тебя могут услышать.

Тиль лежал на железнодорожнике и не отпускал его горла; он хрипло рычал, как разъяренный зверь. Рате нащупал его и схватил его за руку.

— Отпусти, ты его задушишь!

Тиль пошатываясь поднялся.

— Такая сволочь!

— Ты что, его убил?

— Как же, убьешь его так скоро!

Он обшарил карманы оглушенного, достал платок, сунул его испанцу в рот и сжал ему челюсти рукой.

Поезд все стоял. Вдали слышались какие-то крики. Испанец слабо захрипел под кляпом.

— Слушай, — сказал Тиль, снова навалившись на него: — тут я держу нож у твоего горла. Если ты издашь хоть один звук, я тебя убью.

Испанец затих. Прошло несколько минут. Наконец, поезд двинулся.

— Рате, зажги фонарь! — сказал Тиль, когда они отъехали порядочное расстояние от станции. — Тут у него в кармане спички.

Рате зажег огонь. Железнодорожник уже пришел в себя. Лицо его было в красных пятнах; глаза с ужасом и мольбой смотрели на легионеров.

Тиль вытащил кляп.

— Сеньоры, — застонал пленник, — не убивайте меня!

— Дурак! — сказал Тиль. — Когда поезд будет в Мурсии?

— Через два с половиной часа.

— А потом куда он пойдет?

— На Валенсию.

— Весь состав?

— Да.

— Ладно, — сказал Тиль, — а теперь, сеньор, не прогневайся. Снимай платье, только живее!

— На, — сказал он приятелю, передавая ему пиджак и жилет, — это тебе будет впору, а я одену его брюки. Одежда у него целая и куда лучше нашей. Ну, вот, теперь мы где угодно пройдем; никто на нас и не оглянется.

— Это ты хорошо придумал! — заметил Рате, с удовольствием оглядывая свой пиджак. — Но осложнение вот в чем: что мы сделаем с этой скотиной?

— Очень просто. Мурсия — узловая станция; мы сойдем и поедим, куда нам нужно, а он пусть едет дальше на Валенсию. Интересно, далеко ли до Мадрида?

— На что тебе Мадрид?

— Мне? Ни к чему. Я только хотел, чтобы эта вшивая харя услышала это название. Это его наведет на ложный след.

Они связали пленнику руки и ноги и сунули ему в рот кляп. Приехав в Мурсию, они выжидали, пока поезд

не тронулся, соскочили на ходу и задвинули за собой дверь. Пока испанцу удастся обратить на себя внимание, пройдет, по крайней мере, несколько часов, а за это время они могли быть уже далеко.

На станции они купили билеты в Аликанте и сели в полутемный спящий вагон, не возбудив ничего подозрения. Через несколько часов они уже были в гавани. Там они узнали, что на следующее утро готовится к отбытию в Антверпен бременский грузовой пароход «Андромеда». День они провели в окрестностях города, а к ночи — поневоле станешь ночной птицей, — завладела чьей-то лодкой и тихо подплыли к судну. Там все было тихо; вахтенный, очевидно, спал. Они нащупали трос и вскарабкались вверх, оттолкнув лодку ногой. На судне они забрались в какой-то чуланчик, где хранились канаты и мешки с картошкой.

На этот раз они уже не спали.

Утром поднялась суматоха, обычная перед отплытием. Они слышали торопливые шаги, обрывки команды, ругань, свистки, гудки. Поднялся якорь и пароход медленно вышел из порта.

Прошло несколько часов и кок пришел за картофелем. Беглецов повели наверх. Капитал был вне себя от ярости.

— Что-ж вы хотите, чтобы меня под суд отдали? В первой же гавани я вас высажу, хулиганье беспаспортное!

И на них посыпались отборнейшие морские ругательства, сгруппированные в самые чудовищные комбинации.

Рате и Тиль выжидали, пока он не отвел душу, и рассказали ему о своих злоключениях. Капитан сменил гнев на милость.

— Хорошо! — сказал он. — Я вас на свой страх и риск отвезу в Антверпен. Стюард, дайте этим лодырям к завтраку порцию рому. Чего вы, впрочем, смеетесь, когда я с вами говорю?

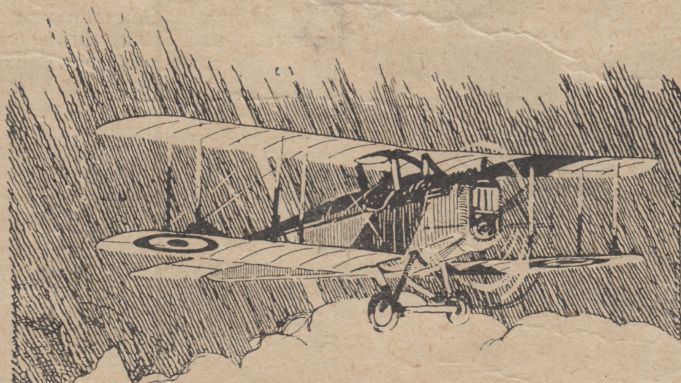
— Капитан, — ответил Рате, — когда нас раньше в этих местах хорошо встречали, нам говорили: проваливайте! Вы нам первый предлагаете угощение.

— Ладно, ладно, ступайте!

Он повернулся и ушел.

— Теперь мы спасены, — сказал Рате за завтраком. — Как жаль, что бедняга Шренк не дожил до этого дня; как бы он был доволен: он страшно боялся опуститься и стать авантюристом. И как хорошо! Мы опять будем на родине.

— Хорошо-то, хорошо, — заметил Тиль, — только чудак ты, Рате: для нашего брата и дома иностранный легион. В том-то и дело!

Очерк специального корреспондента „Вокруг Света“ о Бразилии.

В Бразилии мне столько пришлось слышать о Матто-Гроссо, что поневоле заговорило любопытство, хотя я твердо был убежден, что рассказы Лондона и Майн-Рида — одна фантазия и детские сказки.

Итак, в один прекрасный день, я уговорился с несколькими такими же сумасшедшими как и я, отправиться в таинственную часть Бразилии — Матто-Гроссо.

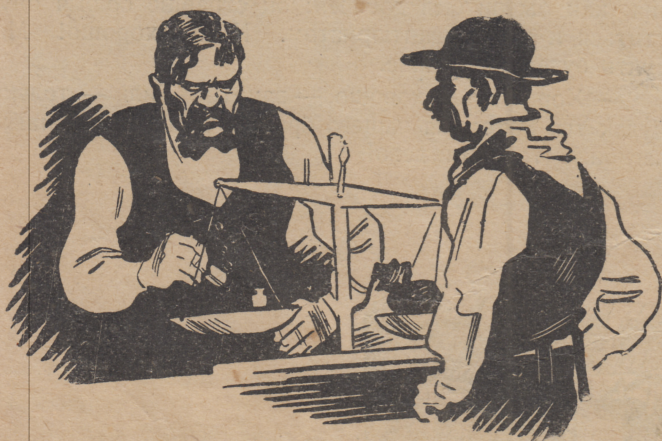
Что такое Матто-Гроссо? — Центр добычи золота и бриллиантов, куда ежегодно стремится бурный поток авантюристов, которых заела скука или которым в жизни решительно не за что было уцепиться. Заглядывают сюда и просто любопытные люди, вроде меня и моих спутников.

С большим комфортом вся наша группа доехала до «Гойаса», прежней столицы Бразилии, где сразу же нас постигло горькое разочарование. «Гойас» — город без электричества, без улиц, без квартир; вернее, это не город, а громадный лагерь с несколькими досчатыми бараками (пышно именуемыми себя домами), четырьмя барами и несколькими ювелирными магазинами. Официально в нем 15.000 жителей, но, конечно, только официально. Ведь добрых двух третей жителей там никогда не бывает. Они все на работе и только время от времени появляются в городе, чтобы несколько дней пробушевать и прокутить довольно богатую добычу. Затем они снова исчезают.

Во всем городе нет достопримечательностей, за исключением ювелирных магазинов, по-моему неправильно присвоивших себе название «магазинов». Там нельзя купить портсигара или серег. Там только можно продать алмазы, золотой песок и золото в кусках. О цветных камнях я уже не говорю — их там уйма.

В магазине — прилавок и две пары весов. Одни — большие для золота, другие — маленькие для бриллиантов. Человек за прилавком, два покрытых тряпичей ведра и гора бумажек в полукрытом ящике стола... Деньги.

Я подружился с одним из таких купцов. И в первый же день увидел следующую картину. Входит грязный, оборванный человек с голодным выражением на лице, ни слова не говоря, бросает на прилавок кожаные мешочки. Скупщик их не спеша развязывает, бросает содержимое на различные весы, бегло осматривает и называет цифру. Грязный человек забирает деньги и исчезает. Там не торгуются.

Странный ювелирный магазин.

Странный ювелирный магазин. В одном ведре — алмазы, а в другом — золото. Ни охраны, ни решеток. Там нет воров и полиции.

***

После недолгого пребывания в Гойасе нам всем удалось присоединиться к группе «grimpeiros», по-португальски «ползунов», так называют охотников за золотом и бриллиантами.

Скорая экипировка, заключающаяся в муле и неудобном седле, в нескольких мешках с сушеным мясом и маньковой мукой, якобы заменяющей хлеб и, наконец, револьвер, нож и ружье.

Путешествие началось. Особенного интереса оно не представляет. Почти месяц не сходишь с мула, за исключением ночевки. Ноги деревенеют. От жары трескаются губы и кожа с лица сходит лохмотьями. И в довершение всего заедают жестокие москиты. Жажда невообразимая. Вокруг, куда не взглянешь, пустынная степь, поросшая травой, доходящей до колен всаднику на муле. Время от времени густая трава редет и переходит в покрытые камнями солончаковые поляны.

Горе путнику, решившемуся отдохнуть на одном из этих камней. Под каждым из них скрываются многочисленные семейства скорпионов, величиной с доброго омара. Увы, как не правы те натуралисты, которые мягко описывают нравы «безобидных» скорпионов. Один из моих спутников, у которого развязался высокий шнурованный сапог, слез с мула и присел для удобства на один из таких камней. Вдруг раздался нечеловеческий вопль, и мы увидели нашего товарища, тщетно пытающегося сбросить с руки впившегося в нее огромного рака. Ехавший с нами проводник-мулат посеред и что-то пробормотал. Затем, схвативши свой нож, он бросился к кричавшему человеку и резко ударил ножом по раку. Три четверти рака отвалились за исключением крепко впившегося в руку хвоста, который с большими предосторожностями и трудом ему, наконец, удалось отщипнуть. Мы все обступили нашего товарища и поняли, наконец, что он был укушен громадным скорпионом и если не будет принят энергичные меры, то через несколько часов начнется заражение крови и неминуема смерть в ужасных мучениях.

Здесь мне, впервые, пришлось познакомиться с новым способом лечения людей, укушенных ядовитыми насекомыми. Мулат выхватил бритву, которую каждый уважающий себя мулат носит в заднем кармане, и сделал глубокий надрез на руке. Потом изо всех сил он начал нажимать на кровотокающую рану и в конце концов намазал ее куском чеснока. Кровь остановилась. Боль уменьшилась и через несколько часов наш спутник был совершенно здоров, если не считать небольшой раны на руке, искусно перевязанной пучком травы.

Первое знакомство с фауной Бразилии не вызвало во мне большого восхищения.

***

Нет более тоскливого путешествия, чем поездка из «Гойаса» по степи. День за днем безбрежно раскинувшийся зеленовато-желтый океан травы со все одним и тем же видом далекого голубого горизонта. За исключением скорпионов на полянах — ни одного живого существа. Даже птиц не видно. Заметив мое отчаяние, проводник утешил меня тем, что мы приближаемся к владениям «Гарсиа», и он скоро покажет мне оригинальную, мною еще невиданную охоту. Я утешился этим обещанием и терпеливо ждал.

Прошло два дня и вдруг, как по мановению волшебного жезла, степь кончилась, перейдя в зеленый, сочный, несомненных размеров луг. Появились вдалеке одинокие деревья, небольшие озера, род естественных прудов, и, наконец, мы увидели реку. Берега реки и подступы к ней чернели широкой, непрерывно движущейся полосой. Проводник сделал знак и мы остановились. Он шепнул нам:

— Возьмите ружья и выстрелите в воздух!

Через секунду берега реки огласились нестройным залпом. Черная полоса вздрогнула и неожиданно для нас... взлетела. Это были сотни птиц, торопливо рассказующих воздух. Было видно, как к земле неслись, крутясь в воздухе, сотни маленьких блестящих перьев, которые наш быстро спешившийся проводник бросился поднимать.

Птицы называются «гарсиа». Из их перьев наши модницы делают так наз. «парадизы». Способ охоты всегда

один. Производится выстрел в воздух и от торопливого взлета птицы теряют перья, кило которых даже там стоит около 1.500 р. на наши деньги.

***

Перейдя реку, мы очутились в небольшом поселке, населенном мулатами; по совету проводника, мы оставили здесь наших мулов и после ночевки тронулись уже в тянувшийся перед нами лес.

Какой лес! В целый день пройдешь всего семь километров. Нож не берет тесно спутавшихся лиан. Лес живет днем и ночью. Где-то наверху, в гуще деревьев, слышны оглушительные крики легионов обезьян всех величин и видов. Огромные паутины, в которых гнездятся пауки, не преувеличиваю, величиной в человеческую голову, укусы которых смертельны. На каждом шагу из под ног вырываются во все стороны огромные сколопендры, не чета нашим крымским: у бразильских два жала — одно на голове, другое на хвосте, и укусы их также бесконечно опасны. А по земле беспрерывно мелькают разноцветные стрелы-змеи. Три дня пропутешествовал я по этому лесу и почувствовал, что голова моя разрывается на части и на губах у меня вертится одно слово: «Назад». Но гордость не позволила мне вымолвить его.

Лес кончился. И мы дошли до второй реки. Мы на месте. Я начинал успокаиваться. Увы, мое спокойствие не долго длилось. Началась каторжная работа, в которой волей неволей я принял участие. Изю дня в день, из часа в час, из минуты в минуту, по пояс в воде мы черпали грязь со дна реки и просматривали ее. Вся наша группа новичков работала под руководством мулата, учившего нас отличать камешки от алмазов, на вид ничуть друг от друга не отличавшихся. Работал я, правда, не так много, как наблюдал за настоящими «grimperos'ами». У тех дело спорилось. Из ведерка моментально выплескивалась вода, грязь перебиралась руками и ловким движением какой-нибудь маленький камешек отправлялся в мешочек у пояса.

Камешек-бриллиант. Как будто легко, а попробовать — делается страшно.

Кроме тяжелой работы, у «grimperos'a» имеются бесчисленные враги. Москиты, заражающие человека всеми лихорадками. Сороконожки, тысячножки, пауки, и, наконец, самое страшное, змеи. Мне удалось или, точнее, пришлось увидеть сценку из любовных змеиных похождения.

Была лунная бразильская ночь. Ночь в лесу. Недалеко от нашего лагеря была небольшая лужайка. Мне не хотелось спать и я решил прогуляться перед сном. Слово «прогуляться» — преувеличение. От лагеря до лужайки — тридцать шагов. Несколько раз туда и обратно.

Я тихо дошел до лужайки, начал сворачивать папиросу и вдруг при свете луны мне показалось, что лужайка движется.

Я напряг зрение и... увидел. Длинные, короткие, толстые и тонкие, темные ленты шевелятся, свиваются. Я понял. Мне сделалось холодно. Хочу бежать и не могу. И когда через несколько секунд или минут, я не знаю, способность движения вернулась ко мне, я не бежал, а легел до лагеря, и своим неистовым криком разбудил мирно спящих у костра «grimperos'ов». Хриплым голосом я дрожа начал объяснять в чем дело.

«Grimperos'ы» рассмеялись и махнули рукой. «Змеи любятся».

В эту ночь я больше не спал, а на утро меня ждала новая «радость». Один из моих спутников, доктор по профессии, живший в Бразилии около двадцати уже лет, во время нашего путешествия обыкновенно спал (хотя это и не рекомендуется) без сапог, прямо завернув ноги в два одеяла.

Когда мы все встали утром, он спокойно, натянув один из сапог, начал медленно натягивать второй. Я сидел рядом с ним и заметил, что лицо его приняло землистый оттенок и затем, после секунды заминки, он с отчаянием, изо всех сил, натянул сапог и со злобой ударил несколько раз ногой о землю. Я смотрел на него вытаращенными глазами. Вдруг он вздохнул, медленно начал снимать с себя сапог и, взявши его за каблук, стал тихо трясти. Из сапога выпала маленькая, пестрая, бесформенная лента.

Лента оказалась коралловой змеей.

Только спокойствие и знание Бразилии спасли его от неминуемой и жестокой смерти. Всякий из нас, почувствовав, как что-то движется в сапоге, естественно начал бы снимать сапог, а змея, вне всякого сомнения, ужалила бы слишком нервного и неосторожного человека.

После всех этих «небольших» и «приятных» приключений вся наша группа решила ехать обратно и через полтора месяца мучений и еще большего ужаса, потому что мы

знали теперь окружающую нас обстановку, мы очутились в Рио-де-Жанейро.

Но и там не привыкшего к жизни тропиков европейца подстерегают тяжелые неожиданности. Мне пришлось быть свидетелем целого ряда эпизодов из жизни змей в самой черте города Рио-де-Жанейро. Казалось бы, что жизнь в городах должна быть другая, чем в самом сердце Бразилии, но, к сожалению, действительность иная.

***

У меня был большой друг-бразилец, имевший имение-fazendu в двадцати минутах езды трамваем от центра города, который темпом и условиями жизни превосходит все мною до сих пор виденные европейские города.

Двадцать минут езды в бешено несущемся трамвае и все меняется. Нет громадных домов, нет бешеного движения и впервые человеку, попавшему сюда, кажется, что он в тихой деревушке, окруженной со всех сторон необычайной тропической растительностью. Пальмы, верхушки которых скрываются где-то за облаками, банановые деревья с нависшими на них гигантскими гроздьями ярко-зеленых бананов, мамонтовые деревья, на которых растут особые дыни, по вкусу отличающиеся от европейских очень немногим, но превосходящие их, конечно, своими размерами. Тысячи всяких других фруктов, иногда такого странного вида, что сразу не разберешь — фрукт это или животное, а может быть то и другое вместе.

А среди всех этих ослепительно ярких деревьев — цветы, поражающие своими размерами и красотой. Странным кажется только одно: цветы в тропиках не имеют никакого запаха и даже наша дикая крымская магнолия, пьянящая своим лимонным, чуть-чуть терпким запахом, в Бразилии лишена всякого аромата. Фрукты, имеющие у нас еле слышный запах, там, наоборот, вызывают головокружение. Я как-то попал в так называемую ананасовую рощу и, гуляя среди ананасовых грядок, вдруг почувствовал, что у меня начинается головокружение от одуряющего запаха, входящего во все поры тела. Как будто меня окунали в ванну из ананасового сока.

Добравшись до фазенды своего приятеля и осмотрев в его сопровождении все самые укромные уголки, мы спокойно сидели на террасе и пили какую-то ледяную влагу. Тут до наших ушей донеслось злобное кудахтанье одной из многочисленных куриц, бродивших по двору в неимоверном количестве. Кудахтанье курицы временами прорывалось каким-то леденящим кровь странным клекотом, в котором даже для стороннего наблюдателя слышался мощный водевой импульс. Его, очевидно, производило второе существо, более разумное, чем курица. И клекотом этим таинственное существо несомненно пользовалось, как орудием устрашения.

Увидя недоумение на моем лице, мой приятель зачвил: — Не волнуйтесь. Должно быть жарарака-су напала на курицу.

От одного слова «жарарака-су» у меня волосы встали дыбом. Это змея из породы гремучих, но только громадных размеров. Мой же приятель встал из-за стола, пригласил меня жестом следовать за ним и, взявши рогатку, величиной, приблизительно, в два метра, где-то стоящую в углу террасы, спустился во двор. Я последовал за ним.

Клекот и кудахтанье продолжались, и нашим глазам представилось следующее: рыжая курица, распустив крылья, с отчаянным кудахтаньем бросалась из всех сил на огромную, пеструю змею, издававшую время от времени, грозный клекот. Змея прыгала, извиваясь как пружина, на курицу, а курица увертывалась от нападения и подставляла грозной пасти врага концы своих широко раскрытых крыльев. Было видно, как змея закрывала свою пасть над крыльями и, отпрыгнувши, вновь через секунду бросалась.

Я схватил револьвер, с которым обыкновенно всякий живущий в Бразилии не расстается, и приготовился выстрелить, но мой приятель тронул меня за руку и сказал:

— Подождите еще немного!

И действительно, еще минуты две длилась борьба, а потом змея, резко повернувшись, начала тихо уползать. С быстротой молнии мой приятель бросился вперед и ловким ударом рогатки пригвоздил змею. Несколько судорожных движений и змея затихла. Бой был кончен.

Я провел рукой по лбу и ушпилил себя, чтобы убедиться, что я не сплю. «Жарарака» — почти самая опасная в Бразилии змея, а одолела ее маленькая обыкновенная курица. Разгадка чрезвычайно проста. Змея опасна только несколько минут или, вернее, только несколько первых ее укусов приносит вред, но как только мешечки с ядом у слюнных желез опустеют, она совершенно безобидна на несколько дней, пока не накопится новый ядовитый запас.

В самом Рио-де-Жанейро, в его необъятных парках и садах, куда люди ходят гулять и охотиться, мне пришлось увидеть картину, окончившуюся куда более трагически. Несколько человек решило пойти в Санта-Терезу, громадный парк Рио-де-Жанейро. Один из нас, инженер одного большого завода, споткнулся, перепрыгивая через канаву, и упал в густую траву, растущую по обеим сторонам канавы. Вслед за падением раздался душераздирающий крик: «Змея! Змея!» И мы увидели встающего на ноги

готовности стрелять во все, напоминающее собой змею, напр., в корни или сучки деревьев.

Днем и особенно ночью малейший шорох, треск или движение тени на стене или по дороге, по которой идет европеец, вызывают дрожь и непреодолимое желание бежать без оглядки.

Я лично первые шесть месяцев моего пребывания в Бразилии был в буквальном смысле этого слова «одержим» змеиной болезнью. Моя собственная тень казалась мне ядо-

Курица бросилась на огромную змею.

инженера, в бедро которого, защищенное брюками, впилась змея. Мы все остолбенели, не зная, что предпринять. Через несколько секунд с криком боли инженер упал на землю запылся в судорогах. Через три минуты наступила смерть.

Не мудрено, что почти всякий попавший в Бразилию европеец заболевает т. наз. «змеиной болезнью», которая заключается в каком-то паническом, инстинктивном страхе перед всем ползающим и пресмыкающимся, в постоянной

витой змеей, бросающейся на меня, и долгие месяцы я спал при свете, рукой держась за револьвер, хотя и понимал, что никакой реальной помощи от револьвера не может ожидать даже искусный стрелок.

Болезнь эта в большинстве случаев не проходит сразу даже по отъезде из тропиков. Ее припадки чувствуются еще и в первые дни пребывания уже в Европе.

Ю Баратов.

*С настоящим четвертым номером всем подписчикам
рассылается первое приложение:*

А. САВИНЬОН

ЗОЛОТОЕ ДНО.

Рассказ

Арчи П.

Любопытно, что отношение охотника к какому-нибудь зверю всецело зависит от результатов его первой с ним встречи. Если, например, ему посчастливилось с одного выстрела уложить своего первого слона, то он непременно приходит к заключению, что вообще охота на слонов это пустяки, и ничто впоследствии не в состоянии изменить этого мнения. Мне лично слоны причиняли мало беспокойства, но что касается до буйволов, то я питаю к ним весьма искреннее и неподдельное уважение. Я никогда не забуду своей первой встречи с ними и воспоминание об этом дне ступевывает все мои последующие стычки с этим замечательным животным.

Мы выступили к северу от области Ньясса и, находясь на отменях Люченцы, несущей свои воды к северу Португальской Восточной Африки, решили расположиться лагерем и попытаться счастья на слонов. Стоял май месяц и трава достигала двадцати футов вышины, так что стрелять было почти невозможно и вдобавок довольно рискованно. Тем не менее, однажды в полдень, я готовый отвратиться на что угодно, только бы избавиться от надоевших цыплят, — по моему никакая пища не приедается так быстро, как цыплята, — взял свой старый маузер, захватил с собой троих мальчиков-туземцев и двинулся в заросли, пробуя чуть ли не в двадцатый раз добыть свежего мяса.

По моим расчетам мы отошли от лагеря на милю, когда идущий впереди парень, внезапно остановился. Я осторожно стал пробираться вперед и, следуя направлению его указательного пальца, дошел до места, откуда с радостным трепетом увидел что-то черное, лежащее в густой поросли кустарника.

«Иниама!» (Олень!) — прошептал молодой туземец. По крайней мере, мне послышалось именно это слово.

Для меня этого было достаточно. Я схватил винтовку и быстро зарядил ее. Через заросли было видно плохо и я не мог решить, какую часть тела животного я видел. Единственной моей мыслью было всадить в него пулю и покончить с ним в два счета.

«Бах!» — прогремел выстрел и тотчас же, к моему глубокому удивлению, три буйвола вскочили на ноги. Два из них сразу побежали прочь, а третий, — это был бык, — остался на месте и глядел на нас в упор горящими глазами.

«Иниати!» (Буйвол!) — завопил туземец. Теперь, стоя лицом к лицу с косматым животным, я догадался о своей ошибке. Не «иниама», а «иниати» крикнул в первый раз мальчик. Я смешал эти два слова, сходные по звукам, но весьма различные по смыслу.

«Бегите, бвана! Бегите!» — закричали все трое. Но бежать было нельзя: взбешенный буйвол находился от меня в 20—30 шагах. В эти мгновения я очень хотел бы иметь с собой мой крупно-калиберный штуцер. Маузер был слишком невинен для такого рода зверя.

Все это произошло в течение нескольких секунд и едва успело замереть эхо от первого выстрела, как я уже опять тщательно прицеливался между глаз животного и снова выстрелил. К моему ужасу, буйвол только тряхнул

головой и заревел. Выстрел не произвел большего эффекта. У меня явилось такое же чувство беспомощности, какое могли испытывать солдаты, стараясь остановить танк ружейным огнем. Внезапно буйвол поднял свой хвост и закрутил его крючком. На его языке это могло означать только одно: нападение. Быстро нацелясь, я опять спустил курок.

Буйвол повалился, как обрубок дерева. Ничего не ображая, я ринулся вперед, чтобы нанести решительный удар. И вот здесь я доказал свою неопытность в борьбе с этим животным, ибо как только я подбежал к лежащему буйволу, он с диким ревом бешенства перевернулся и вскочил на ноги. С морды его капала слюна и из ноздри сочилась тонкая струя крови.

«Бегите же!» — снова услышал я крик. Но бежать было поздно. Я буквально оцепенел.

К счастью, — и мне кажется, именно это и спасло мне жизнь, — буйвол был поражен не менее, чем я. Необыкновенная моя близость — я стоял не далее трех шагов от него — казалось совершенно его озадачило и некоторое время мы просто стояли и напряженно следили друг за другом. Но затем ко мне быстро вернулась способность соображения и, поспешно подняв винтовку, я направил дуло прямо между глаз зверя.

Одновременно со звуком выстрела огромное животное сделало прыжок вперед. Каким образом его зазубренные рога не коснулись моих боков, я не знаю до сих пор. Не помню, чтобы я отпрыгнул в сторону, хотя, вероятно, я сделал это инстинктивно. Во всяком случае, он промчался мимо меня и в этот промежуток времени я был в безопасности. Я надеялся, что пуля моя попала ему в верхнюю часть головы, но, повидимому, он все еще был невредим.

«Ребята!» — закричал я источным голосом, но в ответ услышал только, как буйвол, топча и ломая кустарник, поворачивал обратно, чтобы напасть на меня с тыла.

Ответил ли мне кто-нибудь на мои крики или нет, я не знаю, так как через секунду должен был уже повернуться и приготовиться, чтобы встретить его натиск. Я увидел его на расстоянии пятнадцати шагов. Не рискуя стрелять опять в голову, я наметил в грудь буйвола, и выпустил заряд как раз в тот момент, когда он появился в поле моего зрения, раздвинув собой высокую траву. Одну секунду я думал, что он свалится на-земь, но он снова оправился, а я, сделав скачок в сторону, чтобы избежать его атаки, поскользнулся на гладкой притоптанной траве и растянулся во весь рост.

Это падение и спасло меня. Буйвол может забодать только стоячего человека. Его шея слишком коротка, чтобы поднять на рога тело, лежащее плашмя на земле, и таким образом я остался цел и невредим, отделавшись ударом копыта в плечо.

«Дерево, бвана! Дерево!» — смутно донеслось до меня, когда, покачиваясь, я встал на ноги. И, следуя за криком, я увидел трех моих туземцев, сидящих высоко на ветках.

Я не замедлил и стрелой помчался к дереву. Треск ломавшегося позади меня кустарника придавал мне крылья. Добежав до дерева, я быстро вскарабкался по нему, не

обращая внимания на колючки, которые царапали и рвали мои обнаженные колени, и свободно вздохнул лишь тогда, когда находился уже в безопасности от всяких рогов.

«Он ушел, бвана!» — было первое, что я услышал, когда мне удалось примоститься на разветвлении двух суков. И, бросив взгляд вниз, я увидел буйвола, убежавшего в заросли.

Около полудня мы оставались на нашем посту, а затем, уже в сумерках, слезли вниз и вернулись к месту стычки, где я поднял свое ружье. После этого мы скорым маршем поспешили обратно к лагерю. По дороге я долго размышлял о поразительной живучести буйвола. В твердой уверенности, что промахов я дать не мог, я не мог объяснить себе это казавшееся чудом происшествие. Но объяснил его мне мой товарищ.

«Боже мой!» — воскликнул он, выслушав мой рассказ. — «Я еще раньше хотел предупредить тебя, что на твоём маузере прицельная мушка не в опрядке. При каждом твоём выстреле пуля шла в сторону на несколько шагов.

Я взял ружье, осмотрел мушку и прицел, чтобы притти к тому выводу, что все мои пули пролетели высоко над головой буйвола.

В таком случае, мое спасение казалось еще более поразительным. Если бы я только знал об этом неверном прицеле, по всей вероятности я уложил бы моего первого буйвола на месте.

Однако, сделанного не исправишь. Воспоминание об этом дне никогда не оставляло меня и, при встречах с буйволами, я более осмотрителен теперь, чем с каким-либо другим животным в дебрях Африки.

„КАК БЫСТРО ВЫ СООБРАЖАЕТЕ?“

Пять ховых испытаний Сэма Ллойда.

Быстрота зрительного восприятия.

На рисунке изображен крест греческой формы, состоящий из пяти одинаковых квадратов. Благодаря симметричному расположению квадратов, фигуру легко расчленишь, придав ей другую форму. Этот крест может быть превращен в четырехугольник, в два креста меньшего размера, в треугольник, трапецию и т. д.

Однако, более трудная задача состоит в том, чтобы мысленно разделить крест на три части, которые будучи вновь соединены вместе, превратили бы его в прямоугольник с высотой вдвое больше основания. Если вы мысленно можете превратить этот крест в прямоугольник путем разделения его на три части, то докажете свою способность в области наук, изучающих точки, линии, углы и поверхности твердых тел и т. д.

Ответ найдете в следующем номере журнала.

Чувство формы и линий.

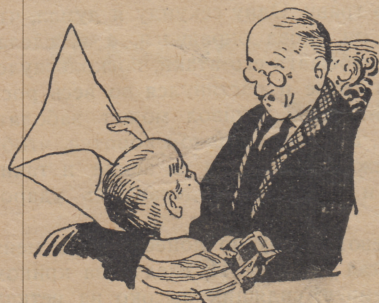
Здесь задача, аналогичная греческому кресту. Изображенный выше знак монады является восточным символом вечности. Как и большинство известных символических знаков, фигура состоит из симметрических линий и поддается геометрическому анализу. Обратите внимание на одинаковую форму и размеры как светлой, так и темной частей.

Вам предлагается разделить поровну каждую из этих половинных частей, проведя непрерывную линию через круг; должна получиться поверхность, состоящая из четырех частей, двух светлых и двух темных, равных по форме и размерам.

Испытание математических способностей.

«Дедушка, сколько вам лет?» — любопытствовал внук. «А вот мы сейчас посмотрим, сколько арифметических познаний ты приобрел в школе!» — последовал ответ. — «Твоя мать в четыре раза старше тебя. Возраст же всех нас троих вместе взятых будет равен 76 годам. Когда же наш общий возраст достигнет 88 лет, твоя мать тогда будет в 3 раза старше тебя. Итак, сколько же лет твоему дедушке?»

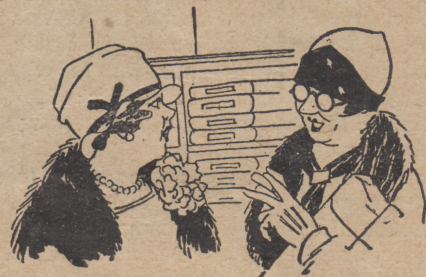

Можете ли вы быстро ответить на вопрос дедушки и этим доказать, что в области математики ваш мозговой аппарат работает исправно. Заметьте время, употребленное на решение задачи.

Склонность к анализу.

«Как я довольна, что встретила вас!» — воскликнула мистрис Смит, увидя свою приятельницу в галантерейном магазине.

— Как посоветуете вы купить мне некоторые материи. На сумму 5 долларов 40 центов я могу получить на 4 метра больше бумажного крепа, чем вуаля на сумму в 4 доллара 50 центов. (Доллар — около 2 р., цент — около 2 коп.).

— Купив только одну материю, — возразила ей знакомая, — вы наверное пожалеете, что не выбрали другой. Поэтому советуем вам взять по 10 метров каждой, что обойдется 15 долларов за оба куска.

Определите из этой беседы стоимость одного метра крепа и вуаля, если только вам легко даются вычисления с цифрами.

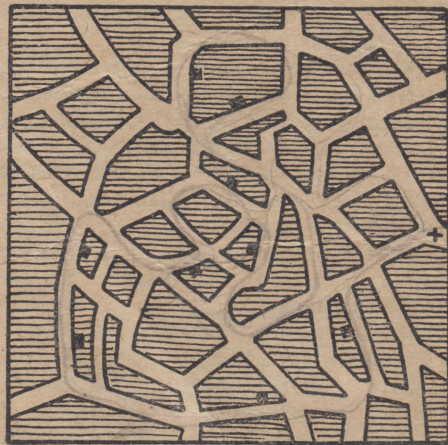
Как он шел?

Два приятеля, собиратели марок, держали между собой любопытное пари, возвращаясь с загородной прогулки.

«Вот и город!» — заметил Петров. — «Итак, мы обойдем всем все магазины, торгующие марками, и если магазин окажется слева, то ты должен оплатить пять любых марок, которые я выберу; если же магазин окажется справа, то я оплачу выбранные тобой пять марок.

«Идет!» — согласился Иванов. Петров хорошо знал план города и так провел своего друга по улицам, что все магазины, торгующие марками, оказывались от них на правой стороне. Они заходили во все магазины и каждый раз Петров брал самые дорогие марки, за которые платить приходилось его приятелю. Оба они прошли по каждой улице только один раз, не пересекая прежде пройденных улиц, но не пропустили, однако, ни одного из девяти магазинов. Вечером у Петрова в кармане было 45 редкостных марок.

Каким же путем провел Петров своего приятеля, если они вошли в город и вышли из него в одном и том же месте, обозначенном на нашем плане крестиком.

ДОМ ТЫСЯЧИ ЧУДЕС

Очерк К. К.

Этот «дом» (вернее, два десятка составляющих его зданий для различных измерительных лабораторий) находится на окраине Вашингтона. Он носит, конечно, длинное официальное название, но американцы недаром кратко и выразительно прозвали его «Домом аккуратности». В нем с предельной точностью измеряется все, находящееся под лучами солнца и даже вне их, т. е. начиная с бесконечно малых и кончая бесконечно большими вещами на земле и в мировом пространстве.

Один из приборов лаборатории регистрирует теплоту свечи, которая горит от него на расстоянии нескольких сотен миль; другой прибор показывает, насколько под тяжестью вашей руки согнулся шестидюймовый стальной шкворень. В этом замечательном учреждении бешеные ураганы могут возникать по приказу исследователя, миллионная часть секунды может быть точно отмерена и даже точка, поставленная над буквой латинского алфавита «i», имеет свой определенный, точно установленный вес.

Заглянем же в этот «Дом чудес» и познакомимся с некоторыми из них. Вот перед вами один из самых чувствительных весов в мире. Представьте себе, что заходите бы взвесить на них клочок бумаги длиной в 6—8 сантиметров и шириной в 1—2 см. Это очень легко сделать. А теперь напишите на этом клочке ваше имя: весы тотчас же покажут вам, сколько весит ваша подпись, сделанная чернилами. Попробуйте подписаться карандашом и вы узнаете разницу в весе той и другой подписи. Может быть вы пользовались при этом латинским алфавитом и забыли поставить точку над буквой «i»? Прибавьте ее. При помощи тех же весов вы узнаете, сколько она весит.

Взгляните теперь на эту меру длины, которую, впрочем, вы не можете разглядеть невооруженным глазом: настолько мелки ее деления; пространство длиной в 1 дюйм разграфлено параллельными черточками на двадцать пять тысяч частей одинаковой величины и притом так точно, что ошибка при проведении любой из этих черточек не превысит одной миллионной части дюйма. Если вы спросите, куда может понадобиться такое мельчайшее точное деление, я отвечу: для анализа светового луча звезды или атома, для измерения световых волн и для определения строения атома!

Подойдите к одному из трех огромных «ветряных» туннелей; их называют здесь «пещерами ветров». Навстречу нам несется из туннеля мощное гудение: гигантский пропеллер вращается под песню-жужжание электрического мотора в более чем 200 лошадиных сил. В таком туннеле, по воле исследователя, бушуют ураганы любой скорости, от 30 до 270 километров в час; во власть им отдаются модели аэропланов, воздушных кораблей, бомб, артиллерийских снарядов и автомобилей, словом всех тех предметов, которым приходится быстро разрезать воздух.

Сопротивляемость их воздуху измеряется здесь путем установления размера силы, необходимой для того, чтобы удержать их на месте при ветре, скорость которого заранее точно известна. Быстрота ветра, механически достигаемая в этом туннеле, дважды превосходит быстроту тайфуна!

Недавно, поместив модель нового мощного автомобиля в один из туннелей, сделали удивительное открытие: оказалось, что благодаря форме корпуса этого автомобиля, при езде со скоростью 90 километров в час, потребуются целых 30 лш. сил только на преодоление сопротивления воздуха. Подобные открытия, конечно, очень важны для усовершенствования автомобилей; они указывают инженерам и инженерам путь к разрешению вопроса, как уменьшить бесполезное потребление энергии.

Обширная армия работников «Дома чудес», более 700 экспертов, химиков, физиков и инженеров, не только трудится над проверкой уже существующих человеческих изобретений и выработкой наиболее подходящих типов различных продуктов промышленности, но она разрешает и ряд новых вопросов из всевозможных отраслей науки и практической жизни.

Так, например, ей был задан вопрос: какие лучи и какой силы лучше всего уничтожают зародыши тифоида и

другие кишечные бактерии? После многочисленных опытов был получен следующий ответ: наиболее смертоносное действие оказывают ультрафиолетовые лучи при длине волны между 170 и 280 миллиардными частями метра.

Когда наука узнает частоту и дозу ультрафиолетовых лучей, необходимых для того, чтобы убить колонию определенных бактерий, какое широкое применение получит это открытие!

Предположим, что нам нужно будет продезинфицировать какую-нибудь комнату. Не прибегая к нынешним дезинфекционным аппаратам, мы сможем просто, как мы наполняем те-

перь водой нашу ванну, наполнить всю комнату ультрафиолетовыми лучами. А разве не представляется возможным применить это же будущее открытие и при дезинфекции различных ран?

А вот этот простой на вид прибор, состоящий из точных пригнанных друг к другу зеркал и пластинок, показывает самое незначительное давление нашей руки на кирпичную стену толщиной около двух метров. Называется он «интерферометр». Интерферометр — верный помощник техников строителей, которые стремятся подчинить мощную водную стихию и запереть ее огромными дамбами или плотинами. Выдержит ли такая дамба грозный напор штурмующих ее волн или не должна ли она будет уступить силе воды, которая с грохотом прорвет дорогостоящее сооружение? Прикрепите к стенке плотины интерферометр и вы разом узнаете степень сопротивления. Глядя в этот аппарат, наблюдатель ясно видит, как стена плотины поддается напору воды и выгибается на одну миллионную часть дюйма.

Перенесите интерферометр на стальной шестидюймовый шкворень, посмотрите в «глазок» и нажмите пальцем на стержень, ну, скажем, с силой десяти фунтов. Видите вы концентрические линии, побежавшие из центра вашего поля зрения? Каждое увеличение этих линий обозначает сгибание стержня на одну стотысячную дюйма.

А задумывались ли вы когда-нибудь над тем, почему на глазированной поверхности кухонной посуды часто появляются трещины? Да потому, что при ее нагревании она расширяется и сжимается иначе, чем покояющаяся ее гла-

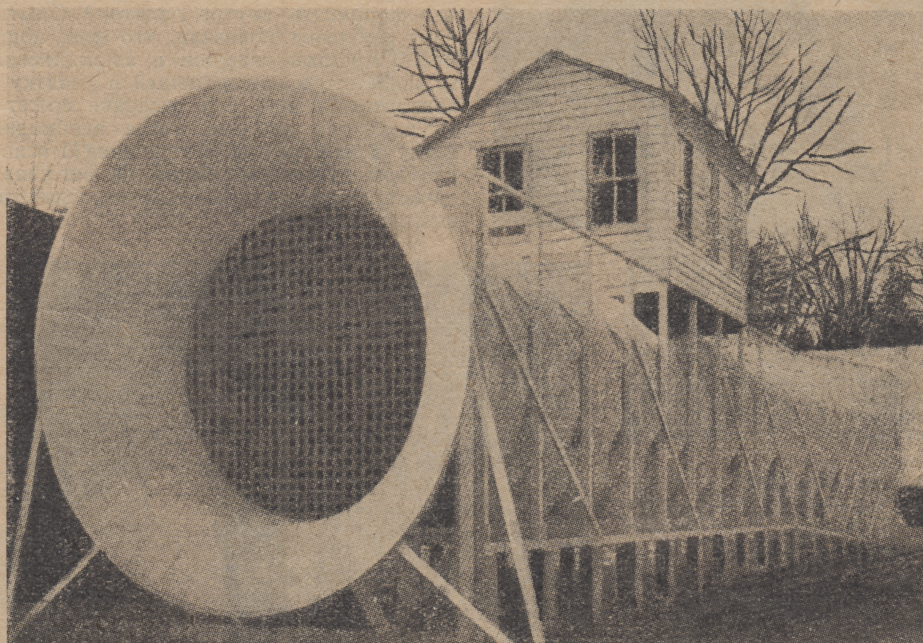

Рис. 1. Туннель искусственного ветра.

зировка. Недавно при помощи того же интерферометра удалось определить, насколько именно расширяются и сжимаются различные материалы при тех или иных обстоятельствах. В результате этих опытов стало известно, что нужно делать, чтобы уменьшить «лопанье», т.е. порчу посуды и всяких изделий керамической промышленности.

С помощью того же прибора можно измерить, как расширяются золото и те амальгамы, т.е. металлические смеси,

Рис. 2. Измеряется расстояние, на которое можно отодвинуть рукой кирпичную стену толщиной в 100 сантиметров.

которые употребляются для пломбирования зубов, т.е. другими словами, какая пломба пострадает меньше всего, если вы после стакана горячего чая съедите порцию мороженого.

Как видите в «Доме аккуратности» взвешивают с точностью до одной биллионной, учитывают миллионную часть секунды, миллионную часть дюйма и даже одну биллионную одного ампера! И как практически ценны эти точнейшие измерения! Вдумайтесь в устройство всяких новейших изобретений человечества — хотя бы телефона, автомобиля и радио. В основе их лежат всевозможного рода тончайшие измерения. Постройка автомобиля требует около 30 тысяч различных измерений — ведь чем точнее будут пригнаны все отдельные части машины, тем лучше будет ее ход. Точно также для наиболее успешного действия ружья необходимо, чтобы размеры его частей были пригнаны друг к другу с точностью до одной десятичной дюйма.

Но вернемся в «Дом чудес». Не хотели бы вы познакомиться с самым чувствительным из всех его замечательных приборов? Он изобретен проф. Кобленцем и настолько чувствителен, что отмечает количество тепла, необходимого для повышения на один градус температуры в кончике вашего пальца в течение миллиона лет или регистрирует тепло свечки, горящей от него в нескольких сотнях километров.

Проф. Кобленц измерял своим аппаратом температуру звезд, планет и их спутников, а также поверхности Марса и Луны. В результате их мы впервые точно узнали, что по крайней мере, одна из планет, Марс, обладает температурой, при которой возможно существование какой-либо жизни. Летом температура на Марсе достигает в полдень 60 градусов, а ночью, благодаря атмосферическим условиям, падает до 94 градусов ниже нуля (по Цельсию). Мо-

жет ли какое-либо живое существо жить на планете с такой низкой ночной температурой? На этот счет мы можем пока только строить различные умозаключения.

Прибор проф. Кобленца состоит из крошечной спайки двух металлов, висмута и серебра, окруженных тонкими проволочками, соприкасающимися с местом соединения обеих металлических частей. Чувствительный электрический измеритель обнаруживает и измеряет едва ощутительный ток, развивающийся в месте соединения при самом незначительном нагревании. Изображение отдаленного тела, температуру которого хотят измерить, наводится телескопом на место соединения. Электрический ток, образуемый этими лучами, поворачивает крошечное зеркало измерителя. Угол этого вращения определяет силу тока, а силой тока, в свою очередь, измеряется энергия лучей отдаленного тела. В дальнейшем, путем обычного математического расчета, это количество энергии переводится в тепловые единицы.

В результате прибор, изобретенный для разрешения таких, казалось бы, далеких от повседневной жизни вопросов, пригодился именно для решения самых практических задач. Американские солдаты, находящиеся на границе Техаса, изнывали от нестерпимой жары в своих походных палатках. Как помешать раскаленным солнечным лучам проникать внутрь палаток? Опыты с помощью прибора Кобленца показали, что если покрыть стены палатки белой краской снаружи и алюминиевой краской изнутри, то количество проникающей в палатку солнечной теплоты понизится на 80%. Это сведение может быть использовано во всех тех случаях, когда необходимо сохранить прохладу в каком-либо помещении. И ясно, наоборот, что радиаторы нужно покрывать не поглощающей большое количество тепла алюминиевой краской, а только растительными красками.

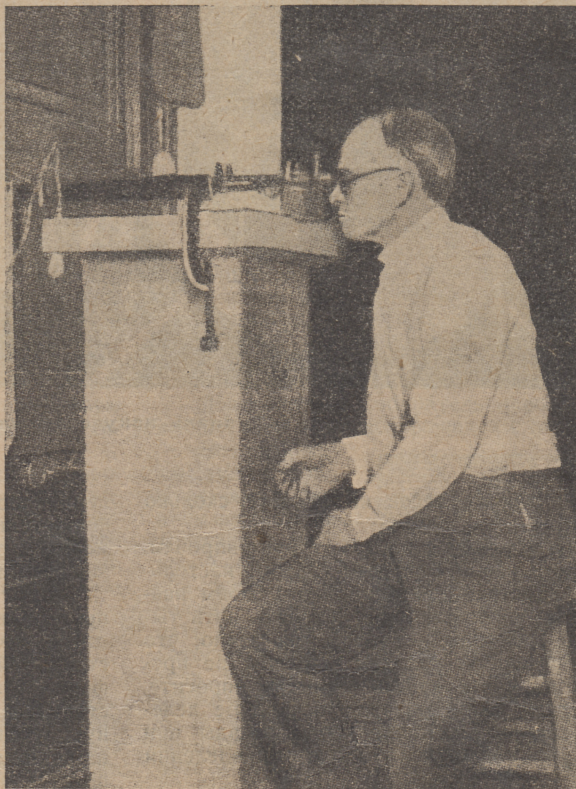

Рис. 3. Взвешивается земной шар.

Об изобретателе этого прибора один из работников «Дома чудес» выразился так: «Он направил свой прибор на звезды и вдруг сообщил всему миру сведения о том, как улучшить условия жизни в палатках и в чердачных помещениях и как увеличить полезное действие вагонов-ледников и радиаторов».

В заключение нашей экскурсии спустимся в обширный подвал, на глубине 35 футов под землей. Он никогда не отапливается и температура в нем изменяется не более чем на один градус в течение круглого года. Установленный здесь прибор настолько чувствителен, что стоит лишь приблизиться к нему на 3 метра и он тотчас же отметит силу притяжения вашего тела. Поэтому,

производящий опыт исследователь наблюдает изменения этого тонкого механизма через телескоп, на расстоянии 4 метров. Автомобиль, проехавший в 8 метрах от прибора, исказил бы все его показания. Вот почему весь опыт производится под землей. Вглядитесь в устройство прибора. Вам станет ясно, что он изображает земной шар и находящееся вблизи его поверхности тело. Он состоит из стального цилиндра, весом в 140 фунтов, и восьмидюймового алюминиевого прута, на обоих концах которого находится по платиновому шару, весом в полторы унции. Шары подвешены на особых ниточках из редкого элемента, вольфрама. Этот прут медленно раскачивается

взад и вперед. На его колебания влияет сила притяжения стального цилиндра. Время колебания в каждую сторону равняется получасу.

Но что же все это значит? — Исследователь просто взвешивает земной шар! Повторным наблюдением он устанавливает величину силы притяжения между телами его миниатюрной системы. В результате точного измерения этой силы можно исчислить, какова масса земного шара.

Здесь мы имеем дело с двумя крайними измерениями: огромная масса земного шара определяется посредством измерения такой минимальной силы, что ее может обнаружить только самый чувствительный маятник. Сила притяжения, которое оказывает масса стосорокафунтового стального цилиндра (изображающего собою земной шар) на платиновый шарик весом в полторы унции (изображающий собою тело вблизи земной поверхности) — эта сила измеряется только в миллионных частях одного грана.

Конечно, мы уже кое-что знаем относительно веса земного шара. Это — достаточно внушительная цифра. Напишите одну шестерку и приставьте к ней 21 ноль. Вы получите 22-значное число: шесть тысяч миллионов миллионов тонн. Современная наука может уже сообщить вам, какие три цифры следуют за шестеркой. А если опыт в подвальной лаборатории «Дома чудес» даст ожидаемые

результаты, мы узнаем и четвертую цифру и вес земного шара будет установлен более точно, чем до сих пор.

Вы, наверное, удивлены, какой смысл тратить столько усилий и времени на то, чтобы отыскать эту четвертую цифру? Какую это может принести пользу? Астрономы ответят на это, что для них вес массы земного шара служит отправной точкой для вычисления веса луны, солнца и других планет солнечной системы. А с другой стороны, значение массы земного шара помогает ученым уяснить кое-что относительно внутренности земли. Расчеты плотности земного шара позволяют думать, напр., что сердцевина нашей планеты представляет собою большой шар из железа. Но, конечно, ученые не успокоятся, пока не добудут на этот счет полных сведений. А кроме того, этот эксперимент может установить новое мерило для силы всемирного притяжения, что будет иметь практическое значение для мореплавателей. Они смогут применять его для определения точки своего местонахождения.

Словом, когда точно выяснится масса луны, можно будет точно вычислить ее влияние на приливы и отливы наших морей. И, таким образом, отплытие пароходов, выходящих из гаваней, сообразуясь с моментами прилива или отлива, сможет определяться в недалеком будущем результатами работы в подвале «Дома чудес».

ЗАБАВНЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ.

И на эти американские изобретения взяты патенты!

„Собачья перечница“ для велосипедиста.

Это запатентованное за № 27,693 изобретение предлагает велосипедисту новое и действительное средство отучить горячих псов от назойливых наскоков. Особая перечница прикреплена к передней вилке велосипеда и стоит, лишь велосипедисту нажать на имеющуюся у руля резиновую грушу, как целое облако едкой перечной пыли ударит в собачью морду.

Одуряченные рыбы.

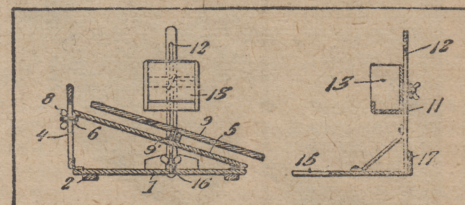
«Когда рыба — говорится в патенте на это изобретение — приблизится к приманке, она увидит в зеркальце свое отражение и, приняв его за соперника в добыче, бросится на приманку с большей жадностью».

Гроза мышей и крыс.

«Светящаяся кошка для устрашения крыс и мышей» — так названо это изобретение. Животное покрывается особым составом, светящимся в темноте,

Спортивное упражнение для цыплят.

Что здоровью и росту цыплят сильно мешает отсутствие достаточных движений — это известный факт. Отсюда и новое изобретение — поместить кормушку над подвижным, наклонно укрепленным диском. Бедным цыплятам приходится изрядно потрудиться, прежде чем они набьют зерном свой зоб.

и намазано вдобавок п-перминтом, запах которого — заявляет изобретатель — «невыносим для крыс и мышей».

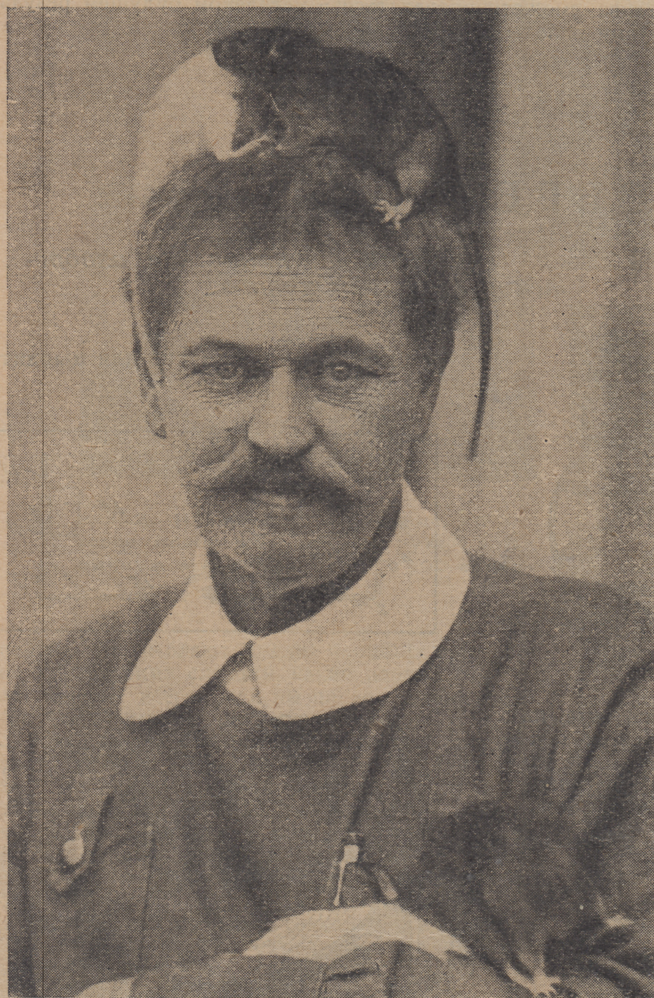
В. Л. ДУРОВ И ДРЕССИРОВКА ИМ ЖИВОТНЫХ

К 50-летию его деятельности.

Многим из городских жителей хорошо известны целые пьесы, разыгрываемые в цирках мелкими и крупными дрессированными животными знаменитого зоопсихолога Владимира Леонидовича Дурова.

Кто только в СССР, а также и за пределами нашего Союза, не слышал о «чудесах», которые выделяются животными дедушки Дурова? Наверное, мы не ошибемся, если скажем, что для каждого из нас весьма занимательно будет узнать, какими путями удалось ему добиться своих исключительных успехов в дрессировке животных самых разнообразных пород. Ведь эти успехи В. Л. Дурова имеют также весьма глубокий научный интерес.

В апреле 1927 г. исполняется пятидесятилетие артистической, научной и общественной деятельности В. Л. Дурова. В связи с этим мы постараемся дать читателям нашего журнала хотя бы сжатое описание наиболее интересных случаев из дрессировки им животных.

В. Л. Дуров дрессирует крысу.

Когда-то у В. Л. Дурова был дрессированный слон «Бэби», который погиб в голодные годы. В. Л. Дуров, которого для краткости будем называть одной буквой Д., выучил этого слона «Бэби» разыгрывать комическую сценку, называемую в цирке: «Сценка в парикмахерской». Эта сценка всегда вызывала восторг у зрителей, особенно у молодежи.

Дадим описание этой сценки. Д. на арене зовет карлика Ваньку-Встаньку и говорит ему:

— Как тебе не стыдно являться небритым перед публикой. Надо тебя побрить. Отправляйся в конюшню и надень подобающий костюм, а я устрою здесь парикмахерскую.

На арену ставится большая кровать с громадной подушкой, набитой сеном. К кровати приставляется тумба со свечей в легком подсвечнике. На другой половине арены стол с лежащими на нем длинными бутафорскими щипцами и с громадной деревянной бритвой. К столу пододвигается стул с высокими ножками, а против барьера помещается

горн с тлеющими угольями и точило на высоких ножках. У входа ставится декорация, изображающая заднюю часть комнаты с дверью. На декорации нарисовано окно, на подоконнике которого изображены парикмахерские куклы. Имеется также вывеска с надписью: «Парикмахер из Парижа». Слонов. «Стрижка и брижка. Бритье и стритье».

Когда все поставлено, открывается декоративная дверь и по зову Д. появляется слон «Бэби». Д. представляет его публике. Слон раскланивается на три стороны. Затем Д. говорит «Бэби»:

— Мастер, приведите все в порядок: будьте чистоплотны, смахните пыль со стола и ложитесь спать. Завтра надо рано вставать и принимать посетителей.

Слон быстро подходит к столу, берет хоботом точеную ручку ящика, выдвигает его и вынимает оттуда салфетку. Этой тряпочкой он стирает пыль со стола и как бы случайно сметает щипцы и бритву на пол. Держа хобот высоко над головой, «Бэби» с салфеткой подходит к декорации и начинает водить тряпкой по нарисованному окну, делая вид, будто протирает стекла.

Когда Д. предлагает ему улечься спать, «Бэби» подходит к кровати, сначала шарит под подушкой хоботом и к изумлению публики вытаскивает оттуда большого с поларшина клопа. Бутафорский клоп — это надутый свиной пузырь, покрашенный в коричневую краску. «Бэби» кладет клопа на землю и наступает на него ногой. Клоп громко лопается. Раздавлив под смех публики клопа, слон становится всеми четырьмя лапами на кровать. Д. предлагает ему перед сном потушить горящую на тумбе свечу. «Бэби» берет подушку и делает вид, будто хочет бросить ее в подсвечник. Окриком Д. останавливает слона. Д. вырывает подушку и кладет ее на место. По команде: «туши» слон вытягивает хобот по направлению свечи и сильно дует. Свеча, понятно, гаснет и вместе с подсвечником летит со стола на землю.

— Вот кого следовало бы пригласить в пожарные! — замечает Д. — Ну, Бэби, ложись спать. Завтра надо рано вставать.

Слон осторожно ложится головой на подушку. Проходит минута и он сам вновь поднимается, осторожно слезая с кровати. На вопрос Д.:

— Что ты забыл? — «Бэби» в ответ хоботом шарит под кроватью и, найдя громадную ночную вазу, вытаскивает ее на середину арены. Затем, перешагнув ее передними ногами при громком хохоте публики садится на вазу.

Вдруг раздается громкий стук в дверь. «Бэби» быстро поднимается на ноги. Является Ванька-Встанька в пестром пальто и в лысом парике. Д. и «Бэби» почтительно кланяются ему, приглашают садиться. Карлик усаживается на высокий стул. Д. подвязывает ему салфетку.

— Что прикажете? — спрашивает Д.

Ванька, показывая на свою плешистую голову, приказывает ее завить.

— В уме ли вы? — говорит Д. — Что у вас завивать? Ну-ка, Бэби, освидетельствуй голову посетителя!

Слон свертывает хобот улиткой и осторожно стучит по лбу карлика. Д. берет щипцы и предлагает слону нагреть их. «Бэби» подходит к горну, берется за рычаг и начинает накачивать воздух. Д. подсыпает бенгальский огонь, который освещает цирк красным светом. Затем Д. предлагает слону наточить бритву. Слон вертит точило. Потом Д. заставляет «Бэби» взбить мыло для бритья. Подставляется к нему ведро, из которого топчит ручка от мочальной швабры, изображающей кисть. Слон хоботом обхватывает кисть и взбивает в ведре мыло. По слову: «д о в о з ъ н ѐ», он вынимает кисть с мылом, тащит ее по земле и бьет по голове карлика. Ванька-Встанька кричит, болтая своими коротенькими ручками и ножками, а публика смеется. Кончив процедуру намыливания, «Бэби» сбирает хоботом с лысой головы карлика пену и кладет ее в рот. Д. подает ему бритву, он водит ею по голове карлика. Тот кричит благим матом:

— О, довольно! Пустите меня домой!

Ванька-Встанька срывается со стула и бежит к выходу. Слон догоняет и тащит его назад. Ванька-Встанька при слове «плати» лезет в карман и, вытаскивая кусок ахапу, сует в хобот слону. Слон и Д. кланяются публике и скрываются за занавес¹⁾.

¹⁾ Подробное описание методов, какими В. Л. Дуров выдрессировал слона для этой сцены, см. его книгу: «Дрессировка животных». Москва. 1924 г.

Познакомим теперь читателей с другими достижениями Д. в дрессировке животных. Во многих случаях все поведение животных настолько своеобразно, что восторженные зрители называют их движения «чудесами».

Например, курица-балерина. вальсирует ножками по гладкому столу и клювом перебирает струны цитры, как бы играя на ней. Танцующая лисица. Кошка, мирно живущая с мышами и крысами. Свинья, самостоятельно опускающаяся на парашюте с воздушного шара. Медведь, играющий на пианино. Заяц, выбивающий лапками громкую дробь на барабане. Собака выговаривающая слово «мама». Волк и козел, мирно живущие вместе в одной клетке. Бычек, поющий музыкальные фразы. Морской лев, плывающий утопающих. Собака и морской лев, дующие носом в музыкальный рожок. Морские свинки и крысы, поднимающие и опускающие плакаты. Собака, отсчитывающая лаем заданное ей число и т. д.

Опишем более подробно способ, каким Д. обучает животное «вальсировать». Это наиболее простой и показательный случай. Будем помнить, что В. Л. Дуров дает метод научной дрессировки животных, до него никем не применявшийся. Из дальнейшего изложения читателю будет ясно, в чем заключается ценность этого метода.

Прежде всего, животное должно быть «демистифицировано» (одомашнено), т. е. должно привыкнуть к дрессировщику. Оно должно видеть со стороны дрессировщика исключительно лишь хорошее к себе отношение. Животное должно как бы чувствовать в нем друга. Это достигается, во-первых, кормлением животного только дрессировщиком, во-вторых, игрой и ласковым отношением дрессировщика к животному в течение значительного времени. Постоянная жизнь животного вблизи дрессировщика-друга имеет первостепенное значение.

Только в таком случае может быть с успехом начата собственно дрессировка или заучивание животным какого-либо нужного действия.

Допустим, мы выбрали животное, которое должно выучиться «вальсировать», т. е. поворачиваться вокруг себя. Дрессировщик держит в руке над головой животного вкусовую приманку. Плавным, круговым движением руки с приманкой он заставляет животное двигать голову вслед за его рукою. Одновременно дрессировщик говорит, напр., слово «перевернись» и поощряет это движение животного приманкой, применяет вкусопоощрение. Затем животное приучается поворачивать уже не только одну голову, но и все туловище вслед за рукою дрессировщика и, конечно, опять получает за это вкусопоощрение. После нескольких подобных упражнений, при чем каждый раз повторяется слово: «перевернись», животное начинает понимать, что вкусовую приманку оно получит только повернувшись вокруг себя. Поэтому это движение оно повторяет все более и более охотно.

Наконец, уже достаточно одного слова: «перевернись» без движения рукою и даже без приманки, чтобы животное повернулось. Тогда заучивание поворачивания можно считать прочно установленным. Остается ежедневными повторениями закрепить его до желаемых пределов прочности и постоянства.

Что же, собственно, произошло? Слово «перевернись» сделалось раздражителем (возбудителем) ответного движения животного. Почему? — Потому что слово «перевернись» сопровождалось вызыванием приятной для животного эмоции насыщения (желания получить пищу). Значит, воспитан был у животного «эмоциональный» рефлекс на звук¹⁾.

В. Л. Дуров воспитал у животных эти «эмоциональные» рефлекс, не только вызывая их насыщением. Столь же хорошие результаты давали и эмоции удовлетворения каких-либо иных явных желаний животного, напр., защиты.

В этом отношении наиболее интересными являются результаты работы В. Л. Дурова с обыкновенными серыми крысами-пасюками.

Однажды, выучив крысу «вальсировать», вертеть передними лапками колесико музыкального ящика, поднимать красный флажок и т. д., Дуров за каждое исполнение обычно давал крысе по подсолнуху до полного насыщения. Но вот крыса выбегает из своей клетки на стол, снова вальсирует. Однако, предложенный ей подсолнух она уже не берет, как-будто ожидая чего-то другого. Наудачу предложенный ей клочек бумажки она с большой охотой схватила и понесла в клетку. Возвратившись опять назад, крыса снова начала вальсировать. Получив еще новый клочек бумажки, она опять унесла к себе, устраивая в клетке гнездо. Таким образом, она вальсированием «зарабаты-

вала» себе материал для гнезда. Совершенно очевидно, что тут играло роль гнездование. Как оказалось, на следующий день она принесла 11 крысят.

Д. брал этих крысят из гнезда и тогда крыса выполняла разные номера, получая вместо вкусопоощрения своих детенышей обратно, которых бережно относил в гнездо. Так она проделывала 11 раз. Этот эпизод заснят научным фильмом в лаборатории по зоопсихологии, которую зовут В. Л. Дуров.

Таким путем животное очень легко выучивалось делать нужные дрессировщику движения и действия. В. Л. Дурову удавалось всегда в две-три минуты устанавливать совершенно новый рефлекс у животного. Путем своевременного вкусопоощрения легко закрепляются также различные случайные движения животного, подмеченные дрессировщиком и интересные или нужные ему для той или иной задачи. Впоследствии эти движения точно производятся животными в ответ на слово или другой сигнал дрессировщика. С другой стороны, путем своевременного отвлечения внимания животного при исполнении им какого-нибудь ненужного дрессировщику движения, можно как бы затормозить это движение.

К своему юбилею В. Л. Дуров готовит около 100 дрессированных крыс, с которыми он покажет в цирке сцену «Крысолова из Гамельна» (германская легенда). Подготовительная работа производится с разными породами крыс.

Одновременно он усиленно подготавливает новые замечательно сложные и интересные сцены с его поразительными морскими львами.

Разгадка всех этих «чудес» в том, что огромное внимание при дрессировке обращается не только на природные черты и особенности поведения того или иного вида животного в его обычных условиях. Тщательно должны быть изучены также способности и характер того именно экземпляра, с которым в данном случае приходится иметь дело. Таким путем В. Л. Дуров дает совершенно новый научный метод для получения нужных действий и движений животного, обогащая науку своим крайне ценным материалом многолетних наблюдений над поведением животных. В музее В. Л. Дурова собран огромный материал за все годы его работы. Не менее интересными в практическом смысле являются опыты В. Л. Дурова в 1925 г. над омоложением его дрессированных животных. Цель этих опытов — установить влияние омоложения на возобновление угасшей от старости психической деятельности у дряхлеющих крыс. Достоинство упоминания, что опыты наблюдения В. Л. Дурова над влиянием омоложения на психику дрессированного животного являются первыми не только в СССР, но и во всем мире, так как до сих пор ни одному ученому не приходилось делать этих наблюдений.

Замечательно, что своих великих достижений В. Л. Дуров добился самоучкой и уже 50 лет работает вполне самостоя-

Дрессировка морских львов.

тельно над решением важных научных проблем в зоопсихологии.

В 1924 г. вышел его обширный труд под названием: «Дрессировка животных» (Новое в зоопсихологии).

Можно пожалеть лишь, что В. Л. Дуров до сих пор не имеет школы научной дрессировки животных и не окружен группой молодых учеников-последователей.

Б. Кажинский.

¹⁾ Рефлекс или отражение, т. е. ответ организма на раздражение.

СОРОК ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК

Эдисон и другие видные американцы предостерегают своих соотечественников против новых небоскребов высотой до 180 саженей.

КОГДА говорит Т. Эдисон, всякий к нему прислушивается. Вот почему большое впечатление произвели на американцев его недавние слова, что „нас ждут впереди большие несчастья“, благодаря общей тяге к постройке огромных небоскребов. Великий изобретатель не только заронил страх в сердца городских жителей, но привел также в движение и мысль своих сограждан.

Однако, почти одновременно с предостерегающим голосом Эдисона пришло изумительное известие о готовом уже плане возвести в самом сердце Нью-Йорка головокружительную постройку в 110 этажей, которая явится самым высоким зданием во всем мире. Эта гигантская постройка, т. наз. „Башня Ларкина“ будет возвышаться без малого на 400 метров над уровнем мостовой и превзойдет, таким образом, шестидесятиэтажное здание Вульворта более чем на 100 метров.

От скалы, на которой будет покоиться фундамент этого гиганта, до верхушки стержня, на котором начнет развеваться флаг, расстояние будет полкилометра. Восемь миллионов кирпичей пойдет на стены, а на внутренние переплеты и т. д. потребуется до 40.000 тонн железа — груз, который потребовал бы для своей одновременной перевозки поезда длиной более 30 километров. Если учесть цену участка земли, который займет этот сверхнебоскреб, то общая стоимость постройки обойдется в 25.000.000 рублей!

ВЗГЛЯНЕМ теперь на архитектуру этой „Башни Ларкина“, как она изображена на нашем рисунке, и представим себе, что мы стоим у окна на сотом этаже и смотрим вниз на расстилающиеся под нами улицы. Невольно спросишь себя, не прав ли Эдисон в своих тревожных опасениях? Не задался ли американцы целью задушить себя своими новыми небоскребами? Не превратится ли в развалины эта пирамида, своей верхушкой упирающаяся в облака, или же, как уверяют ее строители, она будет содействовать только человеческому здоровью и удобству?

Возможно, что одно только время разрешит все эти вопросы, теперь же мы наблюдаем один неоспоримый факт: американцы принимаются за постройку все более высоких небоскребов и во все большем количестве. „Башня Ларкина“ является не исключением, а скорее типичным примером современной американской архитектуры. Почти такой же высоты здание возводится, напр., в Детройте, как и в других городах Соединенных Штатов. Но и на этом не успокаивается мысль современных строителей: на последней выставке небоскребов в Нью-Йорке архитекторы предложили модели еще более высоких башенных построек.

КАК же далеко зайдут эти люди? Где предел, за которым небоскреб перестанет уже быть не только физически возможным, но и экономически выгодным.

Главную опасность Эдисон видит в чрезвычайном скоплении народа и бешеном движении особенно в рабочие дневные часы. Улицы перестают вмещать всю ту людскую массу, которая устремляется в центральный район небоскребов. Что-то невообразимое творится у подъездов этих гигантских сооружений как утром в начале занятий, так и в часы закрытия различных контор.

Знаменитые строители небоскребов опаривают справедливость всех этих нападок и опасений. „Разве небоскребы — говорят они — создают всю эту людскую суетолю и уличную толчею? Нет, здесь вина не небоскребов, которые скорее содействуют уличному движению тем, что огромные людские массы, поднимаясь на подъемных машинах, освобождают улицы от лишней толпы. Небоскребы разгружают улицы, ограничивая горизонтальное передвижение массы, которое заменяется в них вертикальным. Иначе говоря, небоскребы являются как бы дополнительными улицами, в которых продольное движение заменено подъемным. Эти огромные здания — продолжают эшпитоны небоскребов — выгодны и в экономическом отношении, сберегая наше время. Небоскребы воздвигаются теперь в определенных торговых-промышленных центрах города: один в центре суконной торговли, другой в центре страховых обществ и т. д. Человеку, занятому в определенном деле, нет надобности бегать теперь по разным улицам, ибо он может все свои дела кончить в одном здании“.

ОДНАКО, кроме вопроса об уличном движении, высота небоскребов обсуждается еще и с других сторон. Так, напр., с каждым новым этажом все более усложняется задача инженеров. Одним из главных здесь затруднений является использование подъемных машин. Как обеспечить подъем площадки на самые верхние этажи, если стальные кабели, перейдя известную длину, перестанут выдерживать даже свою собственную тяжесть? Как достичь в частности полной надежности в работе шести-десяти подъемков для „Башни Ларкина“, если они потребуют кабелей не более чем на 80 километров! У некоторых же подъемных машин длина кабеля должна быть около трех километров! Но даже и в этом случае ни одна подъемная машина не сможет доставлять до самых верхних этажей. Только две подъемки будут доходить до восьмидесяти второго этажа, а отсюда к самой вышке начнут действовать уже другие.

„Башня Ларкина“ — самая высокая постройка Соединенных Штатов, которая скоро украсит собою Нью-Йорк.

В ОДНОМ ДОМЕ!

Правда, местными распоряжениями городских властей зачастую устанавливается, чтобы всякий небоскреб все более суживался по мере того, как он все более поднимается в высоту. Это требование вызвано, очевидно, соображением о необходимости обеспечить за улицами и соседними зданиями приток воздуха и солнечного света. Но и это ограничение по существу не лишает американских строителей возможности возводить и дальше гигантские постройки. Стоит лишь выбрать побольше место для фундамента, а предела для высоты — по единодушному заверению инженеров — не предвидится. Строительные материалы и самые методы постройки настолько совершенствуются с каждым днем, что легко может быть возведено здание и много выше „Башни Ларкина“.

Правда, еще одно справедливое опасение связывается все с теми же небоскребами и опасение, на первый взгляд, как будто вполне основательное. А именно, небоскребы могут оказаться гибельны в случае землетрясений, ураганов и пожаров. Но и здесь защитники домов-гигантов ссылаются на опыт недавних землетрясений в Японии и Калифорнии, где небоскрежного типа постройки от землетрясений всего меньше пострадали. Равным образом и недавний ураган во Флориде всего более пощадил небоскребы, сравнительно с другими зданиями. А что касается пожаров, то и недели не проходит, чтобы в том или другом огромном здании не вспыхивал пожар, который всегда ограничивается одной-двумя комнатами. Огнеупорный материал постройки и противопожарное оборудование современных небоскребов делают их в последнем отношении надежными жилищами.

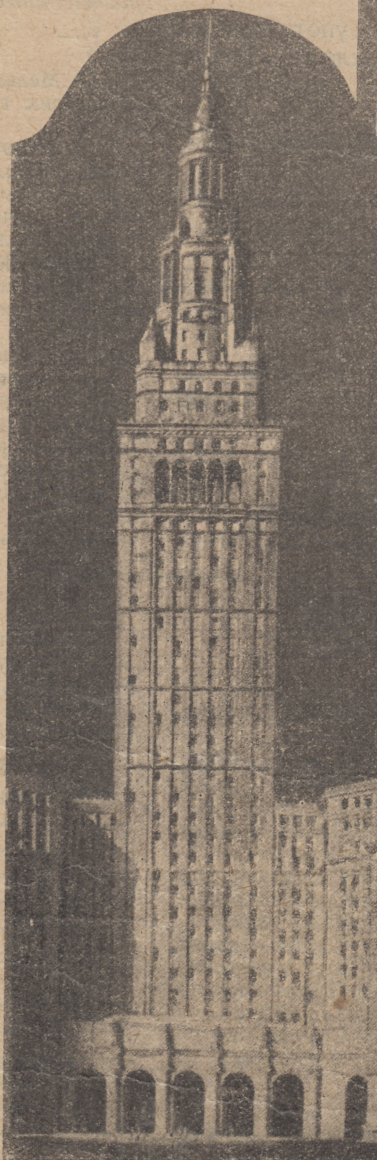
ПОНЯТНО, что у многих поклонников небоскребов, в связи с их быстрым ростом по всей Америке, создалась и картина архитектуры будущего города. Небоскребы — прощаются они — еще более вытянутся, чем в настоящее время, заменив собою обычные постройки. Нижний этаж их будет занят различными магазинами, во вторых этажах будут размещаться банки, от второго до десятого этажа расположатся конторы и всякого рода учреждения, связанные с промышленностью. Все эти нижние этажи будут все время искусственно освещаться и вентилироваться. Выше десятого этажа начнут размещаться отели, школы и жилые квартиры; а на самом вершине, где в изобилии будет свежий воздух и солнечный свет, там, недосягаемые для уличного шума, развернутся госпитали.

Театры и церкви займут центр огромных зданий в их нижних этажах. Фундамент будет использован для автомобильных гаражей, ресторанов и других людных мест, не требующих естественного света.

На перекрестках через улицы будут переброшены мосты, чтобы пешеход мог без всякого риска и без всякой потери времени продолжать свое передвижение. В городе будущего снова возродятся „висячие сады“. Деревья будут расти в ста саженях выше земли, а цветы и кустарники украсят собой особые террасы у окон.

Люди заживут более здоровой и счастливой жизнью. Время, которое уходит теперь на долгое передвижение на службу и обратно, будет использовано для отдыха.

ИТАК, как показывает оживленный спор между противниками современных небоскребов и горячими их защитниками, вопрос до сих пор не получил еще своего окончательного разрешения. Одно только сближает

„Книжная башня“, которая строится в Детройте.

и даже роднит обе спорящие стороны — их полное молчание о возможности современного города раздвигаться вширь, а не подниматься ввысь. А между тем именно здесь корень всего дела: если современные города не будут иметь возможности все более быстро расширяться, превращаясь в так называемые „города-сады“, они неизбежно обречены в огромном большинстве случаев превращаться в „города-небоскребы“.

Кто окажется правым в этом важном споре, решит, конечно, только время. А время — прихотливый строитель, который то и дело выбирает пути, неведомые современности.

— Словом, „поживем — увидим“, согласно поговорке.

В. Д.

„Остроконечная башня“ — самое высокое здание, возводимое ныне в Клевлэнде, столице американского штата Огайо (или Огио).

„ЖИВАЯ ЦЕПЬ“.

Редакция вновь получила множество вопросов, относящихся к этому конкурсу. Разъясняем добавочно к указаниям в № 3.

1. В конкурсе наравне с подписчиками участвуют и все остальные читатели (розничники) «Вокруг Света».

2. Название всякого животного употребляется только в мужском или женском роде. Включать в цепь оба названия нельзя, напр., лев и львица, кот и кошка.

3. Все названия берутся в единственном числе, именительном падеже.

4. Одно название нельзя применять дважды, если бы оно и относилось даже к разным животным, напр., «мартышкой» мы зовем и птицу и обезьяну.

5. Редакция понимает под животным всякое живое существо, т.е. зверя, рыбу, пресмыкающееся, насекомое и пр.

6. В «живую цепь» вводятся все животные, за исключением вымерших (напр., динозавр) и простейших (напр., амёба).

7. Мягкий знак ь считается за одну из букв звена и опускать его нельзя.

8. Редакция получила несколько образчиков «живой цепи», в которую включены названия таких

животных, которые известны одному узкому кругу специалистов или местных только жителей. Еще раз напоминаем, что таких названий включать нельзя.

9. Редакция вынуждена отложить срок конкурса на 10 мая, чтобы все участники могли учесть данные разъяснения.

В. Мельникову, В. Острцову. Велосипеды продаются во многих городах в магазинах «Госшвеймашины». Цены от 150 р.

М. Федорову. Заграничные паспорта выдаются местными Исполкомами. — Занимательные путевые заметки охотно напечатает. Все виды литературы хороши за исключением скучной. — Кругом света пешком можете идти самыми различными путями — дело вкуса и плана.

Игорю Костенко. О воздушных змеях издана в Лгр. отдельная книжка журналом «В мастерской природы». Цена 40 или 50 к.

Сусанне Казаровой. В одном из ближайших номеров будет помещен очерк об Атлантиде.

А. Комендовскому. Бойскауты заменены в СССР отрядами пионеров.

Всем приславшим задачи и головоломки. Присылайте одновременно и решения.

Всем! Всем! Всем! Можно ли подписаться на год в рассрочку? — Да, можно. Подпишитесь на 3 или 6 месяцев, возобновите свою подписку своевременно и будете подписчиком годовым.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ В № 3

Перемещение шашек

Приводим последовательный порядок передвижений, необходимых для перемещения черных и белых шашек, при наименьшем количестве ходов и скачков — 46.

1) Ход к востоку	17) Ход — север	33) Скачек — запад
2) Скачек к западу	18) Скачек — юг	34) Скачек — север
3) Ход — запад	19) Ход — восток	35) Ход — восток
4) Скачек — восток	20) Ход — север	36) Скачек — запад
5) Ход — север	21) Скачек — юг	37) Скачек — юг
6) Скачек — юг	22) Ход — запад	38) Скачек — восток
7) Ход — юг	23) Скачек — север	39) Скачек — восток
8) Скачек — север	24) Скачек — север	40) Ход — запад
9) Скачек — восток	25) Ход — юг	41) Скачек — запад
10) Ход — запад	26) Скачек — юг	42) Ход — восток
11) Скачек — запад	27) Скачек — восток	43) Скачек — восток
12) Ход — север	28) Ход — север	44) Ход — север
13) Ход — восток	29) Скачек — юг	45) Скачек — юг
14) Скачек — запад	30) Скачек — запад	46) Ход — север
15) Ход — юг	31) Скачек — север	
16) Скачек — восток	32) Ход — восток	

Решив эту задачу в течении часа, вы опередите многих.

Торговец затруднивший кассира

Торговец получил, при размене своего билета в 200 долларов, пять денежных знаков по 1 доллару, 50 — двухдолларовых и 19 — пятидолларовых. Четыре минуты умственного напряжения помогли бы вам придти к этому решению.

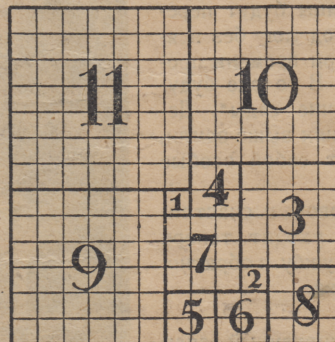
Стрельба в цель

Попадания из трех шестизарядных пистолетов распределяются следующим образом: первая группа: 50, 10, 5, 3, 2 и 1. Вторая — 25, 20, 20, 3, 2 и 1. Третья — 25, 20, 10, 10, 5 и 1.

Если вы мысленно наметили эти цифры в 12 минут, то проявили большую сметливость.

Как составлялось стеганое одеяло

Вот первоначальные 11 частей, из которых составлялось одеяло 13 × 13.

Если вы затратили не более двадцати минут на решение этой задачи, то заслуживаете высокой квалификации.

Выгодная ли сделка?

Рабочий выкопавший мой погреб, проработал всего $39\frac{3}{23}$ дня, а пропустил $20\frac{20}{23}$ дня.

Если вам легко даются цифры, задачу следовало решить всего в 5 минут.

Рыболов — математик

Голова сорвавшейся рыбы имела — $2\frac{1}{2}$ дециметра, туловище — $4\frac{1}{2}$ д. и хвост — 3 д., что составит общую длину рыбы в 10 дециметров.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕДИНСТВЕННЫЙ В СССР ПО ТИПУ И САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЮНОШЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„Юный Пролетарий“

„ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“ печатает рассказы и стихи, очерки и статьи, освещающие вопросы науки, политики, текущей жизни и комсомольской работы.

В журнале большое место отводится бытовому отделу. Здесь печатаются очерки и фельетоны лучших авторов на бытовые, злободневные темы, интересующие широкие круги рабочей молодежи.

48 СТРАНИЦ (в месяц) интересного литературно-художественного, научного и фельетонного текста и большое количество хороших иллюстраций, рассказов, статьи и фельетоны лучших авторов.

„ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“ объединен с существовавшим ранее журналом „Ленинский Комсомол“ и выходит в издательстве „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Журнал богато иллюстрирован.

В текущем году журнал предполагает выпускать дешевую юношескую библиотеку „ЮНОГО ПРОЛЕТАРИЯ“.

СЛЕДИТЕ ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯМИ!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 мес. — 25 к., на 3 мес. — 70 к., на 6 мес. — 1 р. 30 к., на 1 год — 2 р. 50 к.

Цена № в розничной продаже — 15 коп.

Подписавшимся одновременно и на журнал „ВОКРУГ СВЕТА“ плата понижена.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ С „ВОКРУГ СВЕТА“:

С ПРИЛОЖЕНИЯМИ:

На 1 мес. — 2 р. 60 к., на 3 мес. — 2 р. 60 к.
на 6 мес. — 5 р., на 12 мес. — 9 р. 25 к.

БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ:

На 1 мес. — 60 к., на 3 мес. — 1 р. 70 к.,
на 6 мес. — 3 р. 40 к., на 12 мес. — 6 р. 25 к.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 57, „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Подписка принимается также во всех почтово-телеграфных конторах СССР.

